

ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ
ГЕРОИ
НА УЛИЦАХ
ПЕТЕРБУРГА

ДОМА, СОБЫТИЯ,
АДРЕСА ПЕРСОНАЖЕЙ
ИЗ ЛЮБИМЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Елена Первушина

**Литературные герои на
улицах Петербурга. Дома,
события, адреса персонажей
из любимых произведений
русских писателей**

«Центрполиграф»

2017

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Первушина Е. В.

Литературные герои на улицах Петербурга. Дома, события, адреса персонажей из любимых произведений русских писателей / Е. В. Первушина — «Центрполиграф», 2017

ISBN 978-5-227-07645-8

Петербург, будучи столицей Российской империи, не раз становился местом действия русских произведений XVIII, XIX и начала XX века. И не только местом действия. «Блистательный Санкт-Петербург», «великолепная столица», «проклятый город», «город-призрак», «город-фантом», «Петербург Пушкина», «Петербург Достоевского», «Петербург Блока» – это полноправный герой русской литературы. О том, где жили герои любимых произведений, какие события происходили на петербургских улицах в романах и повестях русских писателей и о том, как менялся образ Петербурга в литературе с ходом лет, расскажет эта книга.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-227-07645-8

© Первушина Е. В., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Предисловие. Город с тысячей лиц	6
Глава 1. Город-просветитель. Первые петербургские поэты и писатели	10
Цесаревна Наталья Алексеевна и первый российский театр	12
Феофан Прокопович	15
Антиох Кантемир	19
Становление современного русского языка	21
Ломоносов	23
Сумароков	35
Екатерина II – посеявшая ветер и пожавшая бурю	41
Матинский и Фонвизин – драматурги нового времени	51
Глава 2. Город-обличитель. Петербург Радищева	57
«В душе его есть нечто величавое...»	62
София	67
Тосно – Любань	72
Чудово – Спасская Полесь	75
Путешествие продолжается	79
Глава 3. Город-сибарит. Петербург Державина	81
Фелица и Пленира	85
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Елена Первушина
Литературные герои на улицах
Петербурга. Дома, события,
адреса персонажей из любимых
произведений русских писателей

© Первушина Е. В., 2017

© ООО «РТ-СПб», 2017

© «Центрполиграф», 2017

* * *

Предисловие. Город с тысячей лиц

Петербург – город с тысячей лиц, город-оборотень. Уже само его появление – на глазах буквально одного поколения, – казалось современникам, а позже и их потомкам, чудом. Помните, как у Пушкина?

Прошло сто лет, и юный град,
Полночных стран краса и диво,
Из тьмы лесов, из топи блат
Вознесся пышно, горделиво.
Где прежде финский рыболов,
Печальный пасынок природы,
Один у финских берегов
Бросал в неведомые воды
Свой ветхий невод, ныне там
По оживленным берегам
Громады стройные теснятся
Дворцов и башен; корабли
Толпой со всех концов земли
К богатым пристаням стремятся;
В гранит оделася Нева,
Мосты повисли над водами,
Темно-зелеными садами
Ее покрылись острова...

В поэме Пушкина «Медный всадник» (а она непременно станет одной из «главных героинь» этой книги) город возникает как бы ниоткуда, чудом, а точнее, волей его основателя-титана. Наши дети, вероятно, сравнили бы эту картину с компьютерной мультипликацией, как в заставке к сериалу «Игра престолов». На самом деле Петербург, как и все города мира, конечно же, создавался «кровью, потом и слезами». Трудом солдат и рабочих, частью набранных из местных жителей – финнов и ингерманландцев, частью присланных со всех концов страны, как писал Петр в своем указе, «с 35 городов, с посадов, дворцовых волостей, поместьев, вотчин всяких чинов людей, с крестьянских и бобыльских дворов». Они рубили лес, забивали сваи, рыли каналы, ломали и обтесывали камень, месили глину и обжигали кирпичи и черепицу, мастерили колеса и чинили телеги, работали в кузницах, в столярных и слесарных мастерских, шили одежду, ткали паруса, плели канаты, варили смолу, жили и умирали в землянках, в болотах, на берегах Невы. Память о них то умирала, то вновь воскресала после того, как при рытье очередного фундамента находили небрежно похороненные в земле кости.

Правда, чаще всего это оказывались кости животных, и рассказы о братских могилах первых строителей Петербурга долгое время считались всего лишь одной из петербургских легенд. И вот совсем недавно, в 2016 году, петербургские археологи нашли первое массовое захоронение первых строителей Петербурга. В трех ямах на Сытнинской улице в Петроградском районе, недалеко от знаменитого Сытного рынка, обнаружили кости 253 человек, лежащие в братской могиле. Захоронение относится к началу XVIII века. Из личных вещей сохранились только нательные крестики, лапти и поршни. Так одна из петербургских легенд обернулась явью. Правда, две с половиной сотни человек – это не тысячи погибших, но, возможно, это только начало.

Как бы там ни было, а место в устье Невы считалось нечистым, недобрым, проклятым то ли чухонскими шаманами, то ли первой женой Петра, разведенной и насильно постриженной в монахини московской царицей Евдокией Лопухиной. Поэтому в Петербурге родилась еще одна легенда: о том, что город когда-нибудь падет, исчезнет так же волшебным, как и появился. Из уст в уста передавались слова матери Елены – той самой царицы Евдокии, жившей теперь в монастыре в Старой Ладогe: «Месту сему быть пусту»... В наводнениях, потрясавших Северную столицу, видели предвестие великого потопа, который навсегда погубит ее.

В стихотворении Михаила Дмитриева «Подводный город», написанном в 1847 году, Петербург уходит под воду, и рыбаки привязывают лодку к шпилью Петропавловского собора. Старый рыбак рассказывает мальчику:

«Видишь шпиль?
Как нас в погоду
Закачало с год тому,
Помнишь ты, как нашу лодку
Привязали мы к нему?
Тут был город всем привольный
И над всеми господин,
Нынче шпиль от колокольни
Виден из моря один.
Город, слышно, был богатый
И нарядный, как жених;
Да себе копил он злато,
А с сумой пускал других!
Богатырь его построил;
Топь костями он забутил,
Только с Богом как ни спорил,
Бог его перемудрил!
В наше море в стары годы,
Говорят, текла река,
И сперла гранитом воды
Богатырская рука!
Но подула буря с моря,
И назад пошла их рать,
Волн морских не переспоря.
Человеку вымещать!
Всё за то, что прочих братий
Брат богатый позабыл,
Ни молитв их, ни проклятий
Он не слушал, ел да пил...»

Мальчик спрашивает, как назывался этот город, но старик не может вспомнить:

«Имя было? Да чужое,
Позабывтое давно,
Оттого что не родное —
И не памятно оно».

Михаил Дмитриев, гордившийся тем, что происходит «от Рюрика в 28-м колене, а от Мономаха – в 21-м», хозяин очень известного московского литературного салона, неутомимый спорщик и яростный полемист, борец со сторонниками европеизации русской жизни, высказывает то, что было на уме не только москвичей, но и многих петербуржцев, которым, говоря словами одной петербургской частушки, «город Питер все бока повытер».

Эта легенда снова ожила в тревожные годы на рубеже двух столетий – девятнадцатого и двадцатого. Историк, философ и романист, один из «властителей умов и душ» Серебряного века, Дмитрий Мережковский в 1908 году, в статье, которая так и озаглавлена – «Петербургу быть пусту», приводит следующее свидетельство: «Три старых рыбака, живших до основания Петербурга в местах, где возник город, рассказывали в 1721 году, что за тридцать лет перед тем было такое наводнение, что вся страна до Ниеншанца была потоплена и что подобные бедствия повторяются почти каждые пять лет. Поэтому первобытные жители невисского побережья никогда не строили там прочных жилищ, но небольшие рыбацьи хижины. Как только, по приметам, ожидалась большая буря, крестьяне ломали свои хижины, а бревна и доски складывали как плоты и привязывали к деревьям; сами же, в ожидании убыли воды, спасались на Дудареву гору» («Петербургская старина», академ. П. Пекарского)). И добавляет: «Веря этим пророчествам, русские люди, насильно загнанные в „Парадиз“, говорили, что здесь жить нельзя, что город будет снесен водой или провалится в трясину».

Предвестие «конца Петербурга» Мережковский видит то в Первой русской революции, то в новой эпидемии холеры в 1908–1910 годах.

«Петербургское утро, гнилое, сырое и туманное... Мне сто раз среди этого тумана задавалась странная, но навязчивая греза: а что как разлетится этот туман и уйдет кверху – не уйдет ли с ним вместе и весь этот гнилой, склизный город, подымется туманом и исчезнет, как дым, и останется прежнее финское болото, а посреди него, пожалуй, для красоты бронзовый всадник на жарко дышащем, загнанном коне?.. Вот они все кидаются и мечутся, а почему знать, может быть, все это чей-нибудь сон? Кто-нибудь вдруг проснется, кому все это грезится, – и все вдруг исчезнет, – грезит Мережковский. – Было, как не было».

Позже многие думали в 1917–1918 годах, что пришли последние дни и Петербурга, и России. Жена и единомышленница Мережковского Зинаида Гиппиус писала в это время свой знаменитый короткий и чеканный реквием городу и стране:

Если гаснет свет – я ничего не вижу.
Если человек зверь – я его ненавижу.
Если человек хуже зверя – я его убиваю.
Если кончена моя Россия – я умираю.

Но мы знаем, что Петербург не погиб и имя его не забылось. Он пережил революцию, Гражданскую войну и блокаду, он не раз менял свое имя и свое обличье. Роскошная императорская столица, город кавалергардов и дам в пышных платьях, балов и парадов, город бедняков, мелких чиновников и рабочих, живущих без надежды на будущее, город студентов и революционеров, верящих в счастье для всех, таинственный, мистический город-призрак Серебряного века, город-колыбель революции и жертва Гражданской войны, город-воин, город-труженик, город-триумфатор.

И одновременно он всегда оставался городом Белых ночей, городом влюбленных и поэтов, городом писателей и философов, стремящихся проникнуть в его тайны. Каждому из своих жителей Петербург показывает свой лик, а иногда и множество различных образов и личин.

В этой книге мы познакомимся с городами, в которых жили знаменитые русские писатели и поэты, и их герои. И хотя города эти разные, порой совсем не похожие друг на

друга, имя им всем – Петербург. И, может быть, среди этого множества городов вы узнаете свой Петербург. Тот город, в котором прожили всю жизнь или провели несколько незабываемых дней. А если среди этого множества лиц Петербурга вы не увидите того, которое знакомо вам, то, возможно, вам захочется рассказать Петербургу и петербуржцам о том, какими видите их вы. Город с тысячей лиц, город-сфинкс, для каждого приготовил свою загадку, свой вызов и свою награду.

Глава 1. Город-просветитель. Первые петербургские поэты и писатели

Вначале Петербург – город военных и строителей, его заложили на маленьком острове близ устья реки Невы как военную крепость, которая должна была защищать только что отвоеванный в сражениях Северной войны выход к Балтийскому морю. Но в 1706 году Петр издал указ, согласно которому знатным московским людям надлежало переселяться в Петербург. Военная крепость начала превращаться в новую столицу, губернатором которой назначен «счастья баловень безродный, полудержавный властелин» – князь Александр Данилович Меншиков. В 1713 году сюда переехал Сенат, позже в новой столице основали Синод и 12 коллегий.

Поэтам XIX века казалось, что новая столица появилась в одночасье во всей своей красе, бросая вызов северной природе. На самом деле город выросал довольно медленно. На карте 1721 года можно увидеть легко узнаваемый силуэт Петропавловской крепости, деревянный Троицкий собор, ряд зданий вдоль набережной Петербургского острова (ныне – Петроградская сторона), Зимний дом и Летний дворец напротив крепости на другом берегу Невы, рядом дом Якова Вилимовича Брюса – руководителя первого в России артиллерийского, инженерного и морского училища и, по мнению современников, чернокнижника и масона.

Еще один ряд зданий – на Стрелке Васильевского острова, на другом берегу Невы – звездочка мазанковых еще стен Адмиралтейства (в то время – военной верфи), намеченную пунктиром Невскую перспективу со строящимся Александро-Невским монастырем у конца ее, несколько домов на берегах Мойки и Фонтанки, несколько мельниц на Ново-Адмиралтейском острове в устье Мойки, церковь Святого Сампсония на правом берегу Невы, пеньковые амбары и Морской госпиталь на будущей Выборгской стороне, Смольный монастырь ниже по течению Невы, несколько мельниц на Охте да несколько загородных усадеб на островах. Вот и весь «Парадиз» (Парадизом, то есть раем, любил называть новую столицу Петр).

Поначалу жизнь в городе была очень неуютной, например: для того чтобы потанцевать на балу или побывать на маскараде у того же князя Меншикова, полюбоваться на свадьбы карликов или на то, как пленные шведы и экипажи русских кораблей-победителей проходят через триумфальную арку на Троицкой площади, воздвигнутую в честь победы при Гангуте, или чтобы посмотреть на торжественный спуск на воду очередного корабля Балтийского флота, или просто навестить знакомых, дамам и кавалерам приходилось переправляться через Неву на нанятых лодках, что ветреными осенними вечерами или в дни наводнений становилось смертельно опасным делом.

В 1718 году Петр I издал указ, согласно которому «для увеселения народа, наипаче же для лучшего обучения и искусства по водам и смелости в плавании» было изготовлено большое количество парусных и гребных судов. Их раздали «разных чинов людям», для того чтобы «у всякого оные были вечно, то-есть, ежели какая трата на какие суда придется, повинен он такое ж вновь сделать». Хозяин судна должен был следить за ним: конопатить, смолить, при необходимости чинить такелаж, а «понеже не все еще обыкновенны к плаванью и содержанию оных судов», Петр приказал владельцам «ежевоскресно» являться на учения, а если тот не сможет по какой-то уважительной причине, то присылать вместо себя детей родственников или слуг. Такие маневры Невского флота были одновременно и развлечением (пусть подневольным), и обучением петербуржцев жизни в «Северной Венеции».

Камер-юнкер Берхгольц, сопровождавший в поездке герцога Голштинского, жениха цесаревны Анны, дочери Петра I, описывает одну из таких «экзерциций»: «Утром приехал граф Пушкин и объявил, его величество царь намерен устроить после обеда увеселительные катания на Неве на всех здешних барках и верейках, на которое приказал пригласить и его высочество... Здесь так заведено, что если в двух или трех определенных местах города вывешиваются флаги, то все барки и верейки или, смотря по флагу, все яхты, торншхоуты и буеры должны собираться по ту сторону реки, у крепости... Впереди плыл адмирал маленького флота, имевший на своем судне, для отличия, большой флаг. Прочие суда должны следовать за ним и не имеют права обгонять его. Царь ехал недалеко позади, на барке царицы; он стоял у руля, а царица с обеими принцессами, своими дамами и камер-юнкерами сидела в каюте. Проплыв довольно далеко, адмирал поворотил назад, а все следовавшие за ним остановились и выждали, пока он не прошел мимо... Валторнисты царицы, данные ей Ягужинским, играли попеременно с нашими, которые на барке стояли позади, царские же впереди. Чудный вид представляла наша флотилия, состоявшая из 50 или 60 барок и вереек, на которых все гребцы были в белых рубашках (на барках их было по 12 человек, а на самых маленьких верейках не менее 4-х). Удовольствие от этой прогулки увеличивалось еще тем, что почти все вельможи имели с собою музыку: звуки множества валторн и труб беспрестанно оглашали воздух. Мы спустились до самого Екатерингофа, куда приехали очень скоро, потому что плыли по течению реки, да и, кроме того, водою туда от города не более четырех верст... По приезде в Екатерингоф мы вошли в небольшую гавань, в которую едва ли могут свободно пройти два судна рядом. Все общество по выходе на берег отправилось в находящуюся перед домом рощицу, где был накрыт большой длинный стол, уставленный холодными кушаньями, за который, однако ж, порядочно не садились; царь и некоторые другие ходили взад и вперед и по временам брали что-нибудь из поставленных на нем плодов... Так «кнутом и пряником» Петр старался сделать из петербуржцев бравых мореходов.

Не менее серьезным испытанием становились новомодные ассамблеи, которые устраивал Петр I в Летнем саду. Конечно, на фонтаны и различные «затеи» – грот с водяным органом, зеленый лабиринт, птичий двор, оранжереи, «зверовой двор» с заморскими животными и т. д. – стоило посмотреть, общение с первыми людьми государства могло оказаться полезным, а заморские танцы разгоняли кровь и заставляли предаваться разного рода приятным мечтаниям. Но император был хозяином «с причудами», если ему случалось уехать с ассамблеи по каким-то государственным делам, то он мог приказать... запереть ворота Летнего сада и не выпускать гостей, так что тем приходилось часами ждать возвращения монарха, даже под проливным дождем. Вернувшись же в хорошем настроении, Петр принимался потчевать гостей крепким шнапсом, не давая поблажки даже женщинам. Одним словом – развлечение на первых Петербургских ассамблеях – тяжелая, а порой опасная работа.

Трудно было вести домашнее хозяйство – вездесущая вода затопляла погреба, и продукты портились, а достать новые нелегко: город пока еще почти ничего не производил, вокруг него было мало деревень, которые могли «кормить» его, и все продукты приходилось привозить из Москвы или из других мест.

Но петербуржцы все же обживали свой город и превращали его не только в политическую и военную, но и в культурную столицу. Одним из поразительных «европейских новшеств», введенных здесь, стал – театр.

Цесаревна Наталья Алексеевна и первый российский театр

Младшая сестра Петра, царевна Наталья Алексеевна, вероятно, помнила рассказы о необыкновенном развлечении, которое в 1672 году устроил в своей главной резиденции, подмосковном селе Преображенском, ее отец – царь Алексей Михайлович – для ее матери, молодой красавицы Натальи Кирилловны Нарышкиной. Чтобы удивить и порадовать молодую жену, царь предложил ей европейское развлечение – театр. Автором пьесы и режиссером стал проживавший тогда в Москве лютеранский пастор Иоганн Готфрид Грегори. Он собрал более шестидесяти подростков – детей служилых и торговых иноземцев – и обучил их театральной науке.

Пьеса «Эсфирь, или Артаксерксово действо», была рассчитана на десять часов игры, но царь смотрел все, не сходя с места. И немудрено: некоторые монологи пьесы звучали, как страстное признание в любви Наталье Кирилловне. В реальной жизни такие пылкие слова были неуместны для его царственной особы, но театральное действо позволило царю озвучить свои чувства, хотя бы и не своими устами. Московские бояре тоже, вероятно, было удивились, услышав со сцены такие слова:

О живота моего утешение
И сердца моего услаждение!
Скорь бо в грудех моих пребывает,
Зане сила ми оскудевает,
Яко же сердце мое желает изъявити,
Како ты души моего сердца имам любить!

Пока Петр сражался за балтийские земли и строил Санкт-Петербург, Наталья Алексеевна решила организовать свой театр. Петр поддержал ее, приказав передать Наталье «комедийное и танцевальное платье», а также декорации и тексты пьес, привезенных несколькими годами раньше немецкими театрами в Москву. Актерами стали приближенные и слуги. В репертуаре были инсценировки житий святых и пьесы на сюжет переводных романов. Посмотреть спектакли приезжали обитатели Измайлова.

Цесаревна Наталья Алексеевна

В 1708 году Наталья Алексеевна приехала в Петербург вместе со всем императорским семейством. Ей отвели усадьбу на Крестовском острове. Через шесть лет она переехала в новый дворец, на левый берег Невы, где возводились Литейный и Шпалерный дворы. Здесь уже начала строить дома петербургская знать.

В Петербурге Наталья Алексеевна немедленно «взялась за старое» – устроила «комедийную хоромину» для всех «прилично одетых людей», то есть дворянской публики. Петербургский театр пока оставался любительским. Под него приспособили большой деревянный дом, находящийся рядом с дворцом царевны (ныне это угол Сергиевской улицы и Вознесен-

ского проспекта). В театре играли десять актеров и актрис, был также оркестр из шестнадцати музыкантов.

На сцене театра поставили пьесы – «Комедия о святой Екатерине», «Хрисанф и Дария», «Цезарь Оттон», «Святая Евдокия», а также драму «Действие о Петре Златые ключи», которая рассказывала о пользе заграничных путешествий для молодых людей, желающих прославиться.

Герой пьесы, сын знатного француза, Петр, страстно желающий поехать в «иные царства», обращается к своему отцу с такой речью:

Намерен я, государь, о том вас просити,
Чтоб в иные царства от вас мне отбыти,
Где могу кавалерских дел я обучаться,
И народов чужих нравов насмотряся...
Где поживши немного и к вам возвращуся, —
И себе многу славу могу заслужити,
Так что все царство будет меня чтити...

Но не только страсть к наукам одолевает героя. Петр и его возлюбленная Магилена наслаждались «речами любительными», «милым друг на друга зрением» и «великим веселием». «Действие о Петре...» представило один из первых любовных романов, с которыми познакомилась русская публика.

Большой популярностью пользовались сатирические интермедии, высмеивавшие страхи ретроградов, но одновременно распутство и мздоимство молодых петербургских чиновников.

Невозможно точно установить, как велика была доля авторства Натальи Алексеевны в создании этих текстов. Возможно, она что-то переводила с иностранных языков, возможно, что-то сочиняла сама, возможно, в написании принимали участие другие члены труппы. В любом случае, театр жил и действовал, удивляя публику новым, невиданным развлечением.

Однако Наталья прожила в Петербурге недолго. Болезнь унесла ее в 1716 году. После смерти царевны более 200 томов из ее личной библиотеки (очень значительное собрание по меркам того времени) поступили в царское книгохранилище, театральную же ее часть отослали в Санкт-Петербургскую типографию.

Феофан Прокопович

Если Наталью Алексеевну, с некоторыми оговорками, можно назвать первой петербургской писательницей, то на звание первого писателя претендует Феофан Прокопович, уроженец города Киева. Выходец из небогатой купеческой семьи, он учился в Киевско-Могилянской духовной академии, затем уехал за границу, изучал философию, историю, языки и литературу в Италии. Вернувшись в Россию, принял монашеский сан, преподавал в академии поэтику, риторику, богословие, а затем и математику с физикой. В Киеве же он пишет трагедию «Владимир». Одновременно Феофан сочиняет весьма игривые стихи на латыни, подражая поэтам итальянского Возрождения («Песнь светская», «Шутка о Венере»).

В библиотеке Феофана насчитывалось до пятнадцати тысяч книг на разных языках. Современник-иностранец (датчанин фон Гавен) писал о Феофане: «Этот превосходный человек по знаниям своим не имеет себе почти никого равного, особенно между русскими духовными. Кроме истории, богословия и философии, он имеет глубокие сведения в математике и огромную любовь к этой науке. Он знает ряд европейских языков, из которых на двух говорит, хотя в России не хочет употреблять никакого, кроме русского, – и только в крайних случаях говорит на латинском, в знании которого не уступит любому академику».

Образованнейший человек, великолепный оратор и педагог, Феофан вскоре обратил на себя внимание Петра I. Побывав в Киеве в 1706 году, монарх слушал речи Феофана и взял молодого проповедника в свою свиту. Феофан участвовал вместе с государем в Прутском походе, а в 1716 году приехал в Петербург, где сделался фактическим руководителем всех церковных дел.

Феофан Прокопович

В 1721 году в Петербурге на своем подворье на берегу реки Карповки, напротив Аптекарского огорода, в окружении елового леса, Феофан открыл школу для бедных сирот и составил для своих учеников букварь «Первое учение отрока», позже выдержавший 11 изданий. В школе преподавали Закон Божий, славянское чтение, русский, латинский и греческий языки, грамматику, риторику, логику, римские древности, арифметику, геометрию, географию, историю, рисование, пение, а для развлечения учеников устраивали постановки пьес. По вечерам на подворье собирались петербургские интеллектуалы. Первый биограф Прокоповича (вероятно, академик Готлиб Байер) сравнивал собрания у отца Феофана с симпозиумами греческих философов. Так дом Прокоповича стал, по сути, первым петербургским салоном.

Феофан Прокопович глубоко проникся идеями Просвещения, писатель, поэт для него были, прежде всего, людьми полезными своему государству и государю, которые должны были всеми силами своими прославлять идеалы, привлекать к ним человеческие души. И ему не пришлось далеко ходить в поисках своего идеала. Конечно же, им стал Петр I – просвещенный монарх, благодетель своего народа. В своей поэме «Епиникион» (от греческого слова «восхваление») Феофан прославляет Петра и проклиная изменника-Мазепу.

Победихом! Падесея супостат наш лютый,
И отступник приять казнь, отчества враг велий,
Ко нам же возвращенный грядет мир веселий
И безбедно здравие видеть, со собою.
Ныне и день лучшею красен добротою,
И солнце множайшая луча испускает,
И лице краснейшее цвет полный являет.

В проникнутом патриотизмом стихотворении «За Могилою Рябою» описана кровопролитная битва с турками у реки Прут, близ селения Рябая Могила, в 1711 году, во время Прутского похода Петра I.

Всю ночь стуки, всю ночь крики,
Всю ночь огонь превеликий,
Во всю ночь там Марс шел дикий.
<...>
Не судил Бог христианство
Освободить от поганства,
Еще не дал сбить поганство.
Магомете, Христов враже,
Да что дальше час покаже
Кто от чьих рук поляже...

А в стихотворении «Плачет пастушок в долгом ненастье», написанном в 1730 году, звучат скорбь из-за кончины Петра I и тревога человека, не знающего, что готовит ему будущее:

Дрожу под дубом;
Крайним голодом овцы тают,
И уже весьма мокротным хладом исчезают.
<...>
Потщися, Боже, нас свободити от печали,
Наши нас деда к тебе вопити научали!

Прокопович произносил поминальную речь на похоронах Петра I, в которой сказал: «Кого бо мы, и какового, и коликого лишилися? Се оный твой, Россие, Сампсон, каковый да бы в тебе мог явиться никто в мире не надеялся, а о явльшемся весь мир удивился. Застал он в тебе силу слабую и сделал по имени своему каменную, алмазную; застал воинство в дому вредное, в поле не крепкое, от супостат ругаемое, и ввел отечеству полезное, врагом страшное, всюду громкое и славное. Когда отечество свое защищал, купно и возвращением отъятых земель дополнил и новых провинций приобретением умножил. Когда же восстающия на нас разрушал, купно и зломыслящих нам сломил и сокрушил духи и, заградив уста зависти, славная проповедати о себе всему миру повелел». Он вспоминает «новый в свете

флот», «путь во вся концы земли» и «многообразная философская искусства и его действием показанная и многим подданным влияющая и заведенная различная, прежде нам и неслыханная учения, хитрости и мастерства». И завершает речь такими словами: «Но, о Россие, видя кто и каковый тебе оставил, виждь и какову оставил тебе!».

С 1725 года Феофан получил сан архиепископа Новгородского и закончил свою жизнь в славе и почете, скончался 8 сентября 1736 года и похоронен в Софийском соборе Новгорода.

Антиох Кантемир

Парадоксальным образом одним из первых поэтов, в стихах которого появляется образ новой столицы, стал москвич Антиох Кантемир. Младший сын молдавского господаря (правителя) Дмитрия Константиновича, родившийся в Константинополе, он вместе с семьей переехал в Россию в 1711 году. Антиох учился дома, затем отшлифовал свои знания в Славяно-греко-латинской академии и Академии наук.

Антиох Кантемир

Антиох поддержал Анну Иоанновну в ее восхождении на престол, после отправился послом в Лондон. Он скончался 31 марта (11 апреля) 1744 года в Париже, где провел последние годы жизни, и был погребен в московском Никольском греческом монастыре.

В своей поэме «Петрида, или Описание стихотворное смерти Петра Великого, Императора Всероссийского» Кантемир дает панораму любимого детища Петра.

Земля тая, бывшая в долзе у соседах
Подвластна, – на ней же Петр град новый сзидати
Когда начал, и свершил так, что устрашати
Прежде видом сей зачал, неж вести успели
Прийти в мир, что россияцы в Ингрии засели.
Течет меж градом река быстрыми струями,
В пространно тречисленными впадая устами
Море, его же воды берега подмывают
Северных царств, Балтицко древни называют.
Над бреги реки всходят искусством иреславным
Домы так, что хоть нов град, ничем хуждши давным,
И имать любопытно чим бы насладиться
Око; имать и недруг, чего устрашиться:
Шестибочная крепость, в воде водруженна,
Не боится усильства Марса воруженна,
Но, щитя своих, крепко грозит и смелейшим.
Тут рукой трудился Петр и умом острейшим;
Обонпол искусные древоделов руки
Производят сильные врагам нашим муки,
Растут суды всех родов, и флот, уже страшный
Многим, творят что дневно наипаче ужасный.
Оттоль вверх, в приму черту, вельмож непресечны
Пространны зрятся дворы; где же скоротечны
Вторицей в граде струи Нева искривляет,
Деляся в два рамена, тут Петр обитает:
Не пространно жилище, довольно и покою —
Что внешна пышность тому, кто велик душою?

Становление современного русского языка

Вам не показались странными и непривычными стихи Натальи Алексеевны и Феофана Прокоповича? Их смысл вроде бы и понятен, и все же они написаны «словно не по-русски». Порой кажется, что перед нами разноречивый палимпсест. Особенно это заметно в приведенных отрывках из стихов Феофана Прокоповича «За Могилою Рябою», где отсылка к древнеримскому богу войны Марсу, которая должна была подчеркнуть европейскую образованность автора, соседствует с откровенными архаизмами и славянизмами («Магомете, Христов враже» – звательный падеж, встречавшийся во многих славянских языках, в том числе и в древнерусском, но не употребляемый в живой русской речи уже с XVI века).

Дело в том, что в начале XVIII века русский язык переживал серьезные изменения. Да и как могло быть иначе? Менялась сама реальность, повседневная жизнь русского человека, особенно человека знатного и образованного. В ней появлялись новые реалии, которых не было прежде в русском быте, а они требовали и нового языка.

Сам император активно принимал участие в формировании нового языка своих подданных. Вот, например, он в одном из своих указов объясняет петербуржцам, что такое ассамблея. «„Ассамблея“ – слово французское, – пишет Петр, – которое на русском языке одним словом выразить невозможно, обстоятельно сказать, вольное в котором доме собрание или съезд делается не только для забавы, но и для дела; ибо тут можно друг друга видеть и о всякой нужде переговорить, также слышать, что где делается; притом же и забава». А дальше он подробно предписывает, «каким образом оныя ассамблеи отправлять, определяется ниже сего пунктом, покамест в обычай не войдет».

Желающие принять участие в ассамблее дамы и кавалеры должны были освоить целый ряд новых понятий, таких как «политес» (правила вежливости), «роба» (верхнее платье), «фижмы», «корсет», «шлейф», «парик», «мушка», «веер», «махаться» (подавать знаки веером), «пудра» (для мужских волос), «менуэт», «полонез», «контрданс», «кадриль», «иллюминация», «фейерверк» и т. д. Все эти слова привели бы в полное недоумение дедушек танцоров, а отцов заставили бы с болью в сердце подозревать, что их дети чересчур увлеклись «бесовским верчением». И это всего лишь одна, далеко не самая значительная сторона нового образа жизни. А сколько новых слов предстояло выучить военным или купцам!

Какое-то время россиянам, возможно, казалось, что язык их отцов и дедов погибнет от засилья иностранных слов. Сам Петр написал одному из своих посланников: «В реляциях твоих употребляешь ты зело много польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно; того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов». Забавно, однако, что в этой суровой отповеди монарх употребляет слово «реляция», пришедшее из латинского языка, вместо исконно русского слова «донесение».

Да, избавиться от привычки заимствовать иностранные слова было не так просто, а порой и невозможно. По Петербургу в начале XVIII века ходил анекдот о переводчике, которому поручили перевести французскую книгу по садоводству. Бедняга промучился некоторое время и в конце концов покончил жизнь самоубийством, отчаявшись передать французские понятия по-русски.

Анекдот остается анекдотом, но вот подлинный текст из дневника В. И. Куракина, хорошо показывающий, какая «речевая каша» порой «варилась» в головах русских людей. Он пишет об одном из своих заграничных романов: «В ту свою бытность в Италии был innamorato [inamorato – ит. влюблен] в славную хорошею одною читадинку [cittadino – ит. гражданин]... и так был innamorato, что не мог ни часу без нее быти... и взял на меморию [in memoria – лат. на память] ее персону [портрет]».

Другая большая перемена, которая ждала русский язык в ту эпоху, – это его разрыв с церковнославянским языком. Некоторые «церковнославянские реликты» мы можем найти в стихах Феофана Прокоповича, что неудивительно, ведь он сам принадлежал к духовному сословию. Но в целом язык Петровской эпохи становился все более светским. Церковь законсервировала старинный, еще средневековый лексикон и грамматику, и постепенно тексты молитв стали загадочны и непонятны для мирян. В начале XX века маленький мальчик Алеша Пешков будет с недоумением повторять слова молитвы «Отче наш» «Яко же и мы оставляем должникам нашим», переиначивая это непонятное «яко же» на свой лад: «Яков же», «Я в коже». Этот процесс расхождения церковного и светского языков начался именно тогда, в начале XVIII века, что, разумеется, еще усилило отчуждение языка и культуры дворянства от своих корней. Веком позже Чацкий в комедии Грибоедова «Горе от ума» будет жаловаться на то, что «французик из Бордо» чувствует себя в московских гостиных как дома, он говорит с гостями на одном языке (естественно, французском), а он, Чацкий, настоящий патриот, здесь всем чужой:

Пушай меня объявят старовером,
Но хуже для меня наш север во сто крат
С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад,
И нравы, и язык, и старину святую,
И величавую одежду на другую.

Понадобилось больше века работы таких российских литераторов, как Ломоносов, Сумароков, Державин, Гнедич, Жуковский, Грибоедов и, наконец, Пушкин, чтобы русский язык переварил «инострannую прививку», нашел должное место для архаизмов и вновь обрел ту легкость, гибкость, певучесть и кристальную ясность, которой мы наслаждаемся и по сей день.

Ломоносов

Одним из создателей нового литературного языка стал сын рыбака-помора, будущий академик Михаил Васильевич Ломоносов.

Историк литературы Григорий Александрович Гуковский писал о Ломоносове: «Ему принадлежит честь быть первым писателем, упорядочившим языковое хозяйство русской культуры после петровского переворота, и он был первым в ряду организаторов правильной русской речи, подготовивших великое дело Пушкина, создателя современного литературного русского языка».

Новый язык был зафиксирован Ломоносовым в статье «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке», а также в двух книгах – «Риторика» (1748) и «Российская грамматика» (1757), давших первое научное описание живого русского языка XVIII века.

М. В. Ломоносов

«Труд Ломоносова полагал конец безграничному разнообразию, разброду языковых форм, пестривших языковую практику начала XVIII века, – пишет Гуковский. – Он вводил в литературную и даже разговорную практику грамотного населения принцип организованности, правильности речи, известную нормализацию ее, хотя сам Ломоносов и не придумывал

никаких правил языка, а стремился в своем труде к установлению законов русской речи, такой, какой он ее знал, потому что он, по его словам, „с малолетства познал общий российский и славянский язык, а достигши совершенного возраста с прилежанием прочел почти все древне-славено-моравским языком сочиненные и в церкви употребленные книги“. Сверх того, довольно знает все провинциальные диалекты здешней империи, также слова, употребляемые при дворе, между духовенством и простым народом».

Сам Ломоносов полемизировал с проповедником Гedeоном Гринoвским, который утверждал с кафедры: «Ежели бы я хотел вам здесь описать, сколько вреда произошло от таких, которые подчинять смели слово Божие какой-нибудь науке или искусству и изобретениям человеческого разума, пространное бы и страшное открыл позорище», – и советовал молодым священникам, чтоб риторика «не была повелительницею, но совершенно служительницею».

Ломоносов написал в ответ язвительную эпиграмму, в которой защищал изучение родного языка и риторики – искусства произносить речи. Обращаясь к некоему вымышленному попу Пахомию (под которым подразумевается Гринoвский), Ломоносов пишет:

Пахомей говорит, что для святого слова
Риторика ничто; лишь совесть будь готова.
Ты будешь казнодей¹, лишь только стань попом
И стыд весь отложи. Однако врешь, Пахом.
Начто риторику совсем пренебрегаешь?
Ее лишь ты одну, и то худенько знаешь...
<...>
Ты думаешь, Пахом, что ты уж Златоуст!
Но мы уверены о том, что мозг твой пуст.
Нам слово божие чувствительно, любезно,
И лишь во рте твоём бессильно, бесполезно.
Нравоучением преславной Телемак
Стократ полезнее твоих нескладных врак.

В последних строках имеется в виду весьма популярный в XVIII веке дидактический роман Ф. Фенелона «Приключения Телемака» (1699), пропагандировавший в том числе и идеи Просвещения.

В своем учебнике «Риторика» (1748) Ломоносов напоминает своим читателям, что необходимо всеми способами обогащать речь, стремиться к «речевому изобилию», к пышности и одновременно изяществу. Он дает практические советы, как создавать «предложения, в которых подлежащее и сказуемое сопрягаются некоторым странным, необыкновенным или чрезыестественным образом, и тем составляют нечто важное и приятное». Не все современники были с ним согласны. Например, Александр Петрович Сумароков (о нем речь пойдет в следующей подглаве) писал в свое время: «Многие читатели, да и сами некоторые лирические стихотворцы рассуждают так, что никак невозможно, чтобы была ода и великолепна, и ясна; по моему мнению, пропади такое великолепие, в котором нет ясности». А в другой раз в своей статье, «К типографским наборщикам», высказался еще резче: «Языка ломать не надлежит; лучше суровое (т. е. простое, грубое. – Е. П.) произношение, нежели странное словосоставление».

¹ То есть проповедник.

Примером «чрезъестественного сопряжения» является начало «Слова похвального... Елизавете Петровне... на торжественный день восшествия ея величества на всероссийский престол» (1749). Оно звучит так:

«Если бы в сей пресветлый праздник, Слушатели, в который под благословенною державою всемилостивейшия государыни наша покаяющиеся многочисленные народы торжествуют и веселятся о преславном ея на всероссийский престол восшествии, возможно было нам, радостию восхищенным, вознестись до высоты толикой, с которой бы могли мы обозреть обширность пространного ея владычества, и слышать от восходящего до заходящего солнца беспрерывно простирающиеся восклицания и воздух наполняющие именованьем Елисаветы, – коль красное, коль великолепное, коль радостное позорище нам бы открылось! Коль многоразличными празднующих видами дух бы наш возвеселился, когда бы мы себе чувствами представили, что во градах, крепче миром нежели стенами огражденных, в селах, плодородием благословенных, при морях, военной бури и шума свободных, на реках, изобилием протекающих между веселящимися берегами, в полях, довольством и безопасностью украшенных, на горах, верхи свои благополучием выше возносящих, и на холмах, радостию препоясанных, разные обитатели разными образами, разные чины разным великолепием, разные племена разными языками, едину превозносят, о единой веселятся, единою всемилостивейшею своею самодержицею хвалятся».

От этих сложных и тяжеловесных фраз захватывает дух – и буквально: их сложно произнести на одном дыхании, но и в переносном смысле: от открывающейся перспективы. Автор заставляет наше воображение подняться высоко и увидеть просторы российского государства – от горизонта до горизонта.

Другой пример – два стихотворения Ломоносова: «Утреннее размышление о божием величестве» и «Вечернее размышление о божием величестве».

В первом он пишет:

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было возлететь,
Чтоб к Солнцу бrenно наше око
Могло, приблизившись, воззреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов,
Там вихри пламенны крутятся,
Борющиеся множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горящи там дожди шумят.

А вечером поэт видит, как

...Взошла на горы черна тень;
Лучи от нас склонились прочь.
Открылась бездна звезд полна:
Звездам числа нет, бездне дна.
Песчинка как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкой прах,

В свирепом как перо огне,
Так я, в сей бездне углублен,
Теряюсь, мыслями утомлен!

И размышляет о том, что

Уста премудрых нам гласят:
«Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков:
Для общей славы божества
Там равна сила естества».

И снова от строк исходит явственное и зримое ощущение величия, которое захватывает и поражает читателя.

Но Ломоносов умел видеть и малое, а его стих мог быть легким и подвижным, поистине прыгучим, как в этом стихотворении о кузнечике.

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен!
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен;
Препровождаешь жизнь меж мягкою травой
И наслаждаешься медвяною росой.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но самой истинной ты перед ними царь;
Ты ангел во плоти, иль, лучше, ты бесплотен,
Ты скачешь и поешь, свободен, беззаботен;
Что видишь, все твое; везде в своем дому,
Не просишь ни о чем, не должен никому.

* * *

Ломоносов поделил слова русского языка на три группы. Первая – слова, общие для церковнославянского и русского языков, такие как: Бог, слава, рука, ныне, почитаю. Ко второй «принадлежат слова, кои хотя еще употребляются мало, а особливо в разговорах, однако всем грамотным людям вразумительны, например: отверзаю, господень, насажденный, зываю. Неупотребительные и весьма обветшалые отсюда выключаются, как: обаваю, рясны, овогда, свене и сим подобные. К третьему роду относятся, которых нет в остатках славянского языка, то есть в церковных книгах, например: говорю, ручей, которой, пока, лишь», то есть хорошо знакомые нам и прочно занявшие место в современном русском языке, чисто русские слова, не имеющие связи с церковнославянским языком.

Далее Ломоносов пишет: «От рассудительного употребления и разбору сих трех родов речений рождаются три штиля: высокий, посредственной и низкой. Первой составляется из речений славено-российских, то есть употребительных в обоих наречиях, и из славянских, россиянам вразумительных и не весьма обветшалых. Сим штилем составляться должны героические поэмы, оды, прозаичные речи о важных материях, которым они от обыкновенной простоты к важному великолепию возвышаются. Сим штилем преимуществует российский язык перед многими нынешними европейскими, пользуясь языком славянским из книг церковных.

Средний штиль состоять должен из речений, больше в русском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские, в высоком штиле употребительные, однако с великой осторожностью, чтоб слог не казался надутым. Равным образом употребить в нем можно низкие слова; однако остерегаться, чтобы не опуститься в подлость. И словом, в сем штиле должно наблюдать всевозможную равность, которая особливо тем теряется, когда речение славенское положено будет подле русского простонародного. Сим штилем писать все театральные сочинения, в которых требуется обыкновенное человеческое слово к живому представлению действия. Однако может и первого рода штиль иметь в них место, где потребно изобразить геройство и высокие мысли, в нежностях должно от того удаляться. Стихотворные дружеские письма, сатиры, еклоги и элегии сего штиля больше должны держаться. В прозе предлагать им пристойно описания дел достопамятных и учений благородных.

Низкий штиль принимает речения третьего рода, то есть которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними, а от славенских общепотребительных вовсе удаляться, по пристойности материй, каковы суть комедии, увеселительные эпиграммы, песни; в прозе дружеские письма, описания обыкновенных дел. Простонародные низкие слова могут иметь в них место по рассмотрению».

Таким образом, Ломоносов, в числе прочего, выделил живой разговорный язык – «дружеские письма, описания обыкновенных дел» – и подчеркнул, что этому языку противопоставлена нарочитая возвышенность и стремление «говорить красиво», употребляя устаревшие церковнославянские слова. (Два века спустя Михаил Булгаков добьется яркого комического эффекта, когда в своей пьесе «Иван Васильевич» заставит режиссера Якина объясняться с Иваном Грозным на языке, который режиссер полагает церковнославянским. Помните: «Паки, паки, иже херувимы... Ваше величество, смилуйтесь!»... На что Иван Грозный отвечает: «Покайся, любострастный прыщ, преклони скверну твою главу и припади к честным стопам соблазненной боярыни!». Вполне возможно, что эта сцена показалась бы смешной еще во времена Ломоносова.)

Ломоносов оставляет церковнославянскому языку оды, героические поэмы и торжественные речи. Век спустя Пушкину станет тесно в этих рамках, и он будет жаловаться:

Но тише! Слышишь? Критик строгий
Повелевает сбросить нам
Элегии венки убогий
И нашей братье рифмачам
Кричит: «Да перестаньте плакать!
И все одно и то же квакать,
Жалеть о прежнем, о былом:
Довольно, пойте о другом!».
– Ты прав, и верно нам укажешь
Трубу, личину и кинжал
И мысль мертвый капитал
Отвсюду воскресить прикажешь:
Не так ли, друг? – Ничуть. Куда!
«Пишите оды, господа,
Как их писали в мощные годы,
Как было встарь заведено...»
– Одни торжественные оды!
И, полно, друг: не все ль равно?
Припомни, что сказал сатирик!

<...>

«Но все в элегии ничтожно,
Пустая цель ее жалка,
Зато цель оды высока
И благородна»... Тут бы можно
Поспорить с ним, но я молчу:
Два века ссорить не хочу.

Но пока новый век еще не наступил, и это разделение кажется весьма разумным. Ломоносов знает, что многие славянизмы уже вошли в русский язык, слились с ним, и он принимает и ассимилирует их с русской речью. Он выступает только против искусственной насильственной архаизации речи, как повседневной, разговорной, так и литературной. Он не хочет любой ценой держаться за отмирающие слова, такие как «обаваю» (очаровываю), «рясны» (ожерелье), «овогда» (иногда), «свене» (кроме), когда в обиходе уже появились их аналоги.

В то же время Михаил Васильевич отнюдь не избегал высокого стиля. Оды Ломоносова² помогали ему поддерживать хорошие отношения с «сильными мира сего» и продвигать свои открытия и разработки, а также труды своих коллег по Академии. Ода Ломоносова была всегда большой декларацией, отражением его чаяний и стремлений как гражданина и ученого. Слава и польза России – вот главная тема одического, да и вообще почти всего поэтического творчества Ломоносова.

* * *

Ради славы и пользы Отечества Ломоносов трудился, ради нее совершал свои открытия, а открытий было немало. Уже в конце своей жизни Ломоносов написал: «Я к сему себя посвятил, чтобы до гроба моего с неприятелями наук российских бороться, как уже борюсь двадцать лет; стоял я за них смолоду, на старость не покину».

Ломоносов работал в области всех известных в его время наук: философии, физики, химии, металлургии, географии, биологии, астрономии, филологии. И почти в каждой выступал не только как просветитель, который стремится познания «пересадить на русскую почву», но и как исследователь, делающий открытия мирового значения. Мало того: верный духу петровских времен, он стремился по возможности извлечь из каждого научного открытия практическую пользу. И стараясь сообщить меценатам о своей новой работе и о выгодах, которые она сулит, Ломоносов прибегал к поэзии.

Приведу только один пример. В 1752 году Ломоносов сочиняет «Письмо о пользе стекла к высокопревосходительному господину генералу-порутчику, действительному ея императорского величества каммергеру, Московского университета куратору и орденов Белаго Орла, Святаго Александра и Святыя Анны кавалеру Ивану Ивановичу Шувалову».

Предыстория этого послания такова. В 1752 году Михаил Васильевич представил в Сенат прошение: «Желаю я, низжайший, к пользе и славе Российской империи завести фабрику для делания изобретенных мною разноцветных стекол и из них бисеру, пронизок и

² «Всепопданнейшее поздравление для восшествия на Всероссийский престол Ея Величества Всепресветлейшия Державнейшия Императрицы Елисаветы Петровны, Самодержицы Всероссийския, в торжественный праздник и высокий день рождения Ея Величества декабря 18 1741, Всепопданнейше представлено от Императорской Академии Наук», «Ода на прибытие из Голстинии и на день рождения Его Императорского Высочества Государя Великаго Князя Петра Феодоровича 1742 года февраля 10 дня», «Ода на прибытие Ея Величества великия Государыни Императрицы Елисаветы Петровны из Москвы в Санктпетербург 1742 года по коронации», «Ода на день тезоименитства его императорского высочества государя великого князя Петра Феодоровича 1743 года» и др. – *Здесь и далее примеч. автора.*

стеклярусу и всяких других галантерейных вещей и уборов, что еще поныне в России не делают, а привозят из-за моря великое количество ценою на многие тысячи».

И. И. Шувалов

Устройство мозаичной фабрики и стекольного завода было одобрено Сенатом, и покровитель Ломоносова Иван Иванович Шувалов помог Ломоносову представить этот проект императрице Елизавете и получил в подарок мызу Усть-Рудицы вместе с деревнями Шишкиной, Калищами, Перкули и Липовой (ныне – Ломоносовский район Ленинградской области, в 11 км от станции Лебяжье).

Так возникла усть-рудицкая «фабрика делания разноцветных стекол и из них бисера, пронизок и стекляруса и всяких галантерейных вещей и уборов».

Именно тогда Ломоносов и пишет стихотворное послание Шувалову, в котором не только рассказывает о производстве и применении стекла: оконных стекол, стеклянной посуды, линз для телескопов («Во зрительных трубах Стекло являло нам, колико дал Творец пространство небесам») и микроскопов («Не меньше, нежели в пучине тяжкий Кит, Нас малый червь частей сложением дивит»), но и рекламирует продукцию строящейся фабрики – цветное стекло для мозаик:

Коль пользы от Стекла приобрело велики,
Доказывают то Финифти, Мозаики,
Которы в век хранят Геройских бодрость лиц,
Приятность нежную и красоту девиц;
Чрез множество веков себе подобны зрятся
И ветхой древности грызенья не боятся;

бисер и стеклярус для отделки женских платьев и украшений:

Дают приятной дух, увеселяют взор
И вам, Красавицы, хранят себя в убор.
<...>
Прекрасной пол, о коль любезен вам наряд!
Дабы прельстить лицом любовных суеверов,
Какое множество вы знаете манеров;
И коль искусны вы убор переменять,
Чтоб в каждой день себе приятность нову дать.
Но было б ваше все старанье без успеху,
Наряды ваши бы достойны были смеху,
Когда б вы в зеркале не видели себя:
Вы вдвое пригожи, Стекло употребля.
Когда блещут на вас горящие алмазы,
Двойной кипит в нас жар сугубая заразы!
Но больше красоты и больше в них цены,
Когда круг них Стеклом цветки наведены:
Вы кажетесь нам в них приятною весною,
В цветах наряженной, усыпанных росю.

Во светлых зданьях убранства таковы.
Но в чем красуетесь, о сельски Нимфы, вы?
Природа в вас любовь подобную вложила,
Желанья нежны в вас подобна движет сила:
Вы также украшать желаете себя.
За тем, прохладные поля свои любя,
Вы рвете розы в них, вы рвете в них лилеи,
Кладете их на грудь и вяжете круг шеи.
Таков убор дает вам нежная весна!
Но чем вы краситесь в другая времена,
Когда, лишась цветов, поля у вас бледнеют
Или снегами вкруг глубокими белеют?

Без оных что бы вам в нарядах помогло,
Когда бы бисеру вам не дало Стекло?
Любовников он к вам не меньше привлекает,
Как блещущий алмаз богатых уязвляет.
Или еще на вас в нем больше красота,
Когда любезная в вас светит простота!

Бисерное панно с видом фабрики

Для строительства фабрики в Усть-Рудице были организованы кирпичный завод и лесопильная мельница. На мельнице располагались три водяных колеса, одно из них пило бревна, второе предназначалось для шлифовки стекла, на третьем мололи муку для фабричных рабочих. Вскоре на берегах Рудицы вырос маленький городок, где жили рабочие фабрики. Рядом находилась усадьба, где жил Ломоносов со своей семьей: одноэтажный дом с мезонином и двумя флигелями – над одним возвышалась «самопишущая обсерватория», то есть метеорологическая станция для наблюдений за погодой и исследований атмосферного электричества. К дому примыкали прямоугольный участок регулярного сада и огорода, поварня, людская, черная изба, погреб, баня, хлев, конюшни.

Мозаичный портрет Петра I

Первым заказом, который предстояло выполнить, стало разноцветное стекло для мозаичного портрета Петра I, который позже преподнесли императрице Елизавете. В начале 1755 года фабрика выпускала синее, бирюзовое и белое стекло для разноцветной посуды, бисер и стеклярус для украшений, выдувные фигуры для украшения садов, а также «кружки с крышками бирюзовые, блюдечки конфетные бирюзовые и синие, чарки белые и бирюзовые, чернильницы, песочницы, стаканы, штофы, чашки, нюхательницы, подносы».

Позже фабрика стала изготавливать «разноцветные мозаичные составы» для работ по украшению комнат в новом Китайском дворце великой княгини Екатерины Алексеевны, который как раз строился в Ораниенбауме. Одна из комнат этого дворца – Стеклярусный кабинет – была отделана мозаиками и стеклярусом: крупным бисером в виде трубочек, который нанизывался на прочные нити и употреблялся в виде драпировок.

В июле 1764 года Ломоносов писал Григорию Григорьевичу Орлову:

Я зрю здесь в радости довольствий общих вид.
Где Рудица, выючись сквозь камень журчит.
Где действует вода, где действует и пламень,
Чтобы составить мне или превысить камень
Для сохранения геройских славных дел,
Что долг к отечеству изобразить велел.
Где Дщерь Петрова мне щедротною рукою
Награду воздала между трудов к покою.

Фабрика работала до самой смерти Ломоносова, ее закрыли в 1768 году. Усть-Рудица перешла к другим владельцам, здания фабрики разобрали, потом разрушилось и здание усадьбы. Теперь Усть-Рудице присвоен статус «упраздненная деревня». Фундаменты построек заросли кустарником, каменная плита рассказывает случайным путникам о том, что было здесь когда-то, но лишь стихи ее хозяина способны оживить старую усадьбу, показать, чем она была в XVIII веке и почему достойна остаться в нашей памяти. В этом одна из важнейших функций литературы – не давать нам забыть не только факты, но и те чувства, которые эти факты когда-то будили в людях.

Сумароков

На одной из парадных невских набережных Васильевского острова до сих пор стоит двухэтажное здание, от которого так и веет стариной. Петербуржцам оно известно как дворец Меншикова (современный адрес – Университетская наб., 15). Трехэтажный каменный дворец некогда был самым высоким и самым роскошным зданием молодой столицы. После смерти Петра I Меншиков, опираясь на гвардию, посадил на престол Екатерину I и стал фактическим правителем России. Ему удалось добиться от вдовы Петра согласия на брак великого князя Петра Алексеевича (будущего Петра II) и своей дочери Марии. Но когда Екатерина умерла (а это случилось очень скоро – в мае 1727 года), юный Петр II, подпавший под влияние боярского рода Долгоруких, расторг помолвку с Марией Меншиковой. Вскоре князь был посажен под домашний арест, а позже сослан в Реннбург и оттуда в сибирский город Березов, где и умер спустя полтора года.

В 1731 году по приказу Анны Иоанновны архитектор Доменико Трезини перестроил бывший дворец Меншикова для его нового хозяина – Сухопутного шляхетского корпуса (позже переименованного в Кадетский корпус). Для него на том же участке построили новые здания (ныне – дома № 1, 3, 5 по Кадетской линии). В высочайшем указе, подписанном императрицей Анной Иоанновной, говорилось: «Хотя вседостойнейшей памяти дядя наш государь Петр Великий, император, неусыпными своими трудами воинское дело в такое уже совершенное состояние привел, что оружие российское действия свои всему свету храбростью и искусством показало... и воинское дело поныне еще в настоящем добром порядке содержится, однако ж, чтобы такое славное и государству зело потребное дело наивяще в искусстве производилось, весьма нужно, дабы шляхетство от малых лет к тому в теории обучены, а потом и в практику годны были; того ради указали мы: учредить корпус кадетов, состоящий из 200 человек шляхетских детей от 13 до 18 лет». Первым директором корпуса стал Бурхард Кристоф Миних – уроженец Ольденбурга, военный инженер, один из сподвижников Петра I, позже служивший Анне Иоанновне.

Шляхтой в Польше и России в XVIII веке называли дворянство. В Шляхетском корпусе учились недоросли (юные дворянские сынки), будущие военные и государственные чиновники. Поступление в корпус становилось для них началом хорошей карьеры, но карьеру не подносили на блюде. Учиться было нелегко, вставали в пять часов утра, молились и завтракали, а уже в шесть уходили в классы. С 10 до 12 часов занимались строевой подготовкой, или, как говорили тогда, «солдатскими экзерциями», в полдень обедали, с 14.00 до 16.00 – опять шли на уроки, с 17.00 до 18.00 – снова построение, в 20.30 – ужинали, а в 21.00 – ложились спать. В программу входили уроки математики, истории и географии, артиллерии, фортификации, фехтования, верховой езды и «прочих к воинскому искусству потребных наук», а также немецкого, французского и латинского (для желающих после обучения заниматься науками) языков, чистописания, грамматики, риторики, рисования, танцев, морали и геральдики.

Обучение начиналось по большей части с 5–6 лет, в 16 лет юношам предстояло выбрать военную или гражданскую карьеру, а выходили они из корпуса, когда им исполнялся 21 год. Воспитание, которое получали в корпусе, значительно отличалось от того, которое было принято в школах, созданных при Петре I, где делали акцент на практических дисциплинах: навигации, артиллерии, инженерных науках. В корпусе же много времени уделялось гуманитарным дисциплинам: языкам и литературе, ученики ставили спектакли, изучали музыку, танцы. Такой «уклон» образования был связан, прежде всего, с тем, что в 1766 году шефом корпуса стал Иван Иванович Бецкий – внебрачный сын генерал-фельдмаршала князя Ивана Юрьевича Трубецкого, блестяще образованный человек, обучавшийся в свое время в Кадет-

ском корпусе в Дании, затем долгие годы живший в Париже. Когда Бецкий вернулся в Россию, Екатерина II приблизила его к себе, его назначают Президентом Академии художеств, при которой он устроил воспитательное училище, позже стал организатором и главным попечителем «воспитательного общества благородных девиц» (Смольный институт). Возглавив Сухопутный шляхетский кадетский корпус, Бецкий составил для него новый устав.

А. П. Сумароков

По словам русского дипломата Семена Романовича Воронцова, «офицеры, выходившие из старого кадетского корпуса, были хорошие военные и только. Воспитанные же Бецким играли комедии, писали стихи, знали, словом, все, кроме того, что должен был знать офицер». Однако Воронцову нельзя верить безоговорочно. Традиции гуманитарного образования закрепились в корпусе задолго до того, как его директором стал Бецкий. Сын генерала Петра Сумарокова, 14-летний Александр Петрович Сумароков, поступил в корпус в

1732 году, то есть за 30 лет до появления там Бецкого. Однако и в ту пору кадеты участвовали в исполнении массовых сцен в итальянской опере; их обучал балетному искусству балетмейстер Ланде, основатель школы танца. Позже они преподнесли императрице Анне Иоанновне сочиненное в ее честь стихотворение. Озаглавлено оно было так: «Ее императорскому величеству, всемилостивейшей государыне Анне Ивановне, самодержице всероссийской поздравительные оды в первый день нового 1740 года от Кадетского корпуса, сочиненные чрез Александра Сумарокова».

Еще позже, в 1759 году, группа офицеров корпуса начала издавать журнал под названием «Праздное время в пользу употребленное». В этом журнале печатался и Сумароков, не порвавший связей с корпусом после окончания его в 1740 году, когда его зачислили на службу в военно-походную канцелярию графа Миниха, а позже он служил адъютантом у графа Разумовского.

Одноклассниками Сумарокова были будущий поэт Михаил Матвеевич Херасков, Иван Перфильевич Елагин, также ставший поэтом и государственным деятелем, Адам Васильевич Олсуфьев – будущий статс-секретарь императрицы Екатерины II, меценат и покровитель театра, Андрей Андреевич Нартов, сын «царева токаря», будущий драматург, переводчик и журналист, греки Петр Иванович и Иван Иванович Мелиссино, два брата, один из которых стал генералом от артиллерии, а второй – директором Московского университета, и другие будущие выдающиеся деятели культуры второй половины XVIII века. Еще один современник Сумарокова – Ломоносов, они дружили с юности и выступали единым фронтом в литературных спорах. Хотя в конце жизни Сумароков упрекнул своего старого товарища, а точнее, его хвалителей, восхищавшихся «громкими одами» Ломоносова: «Словогромкая ода к чести автора служить не может; да сие же изъяснение значит галиматию, а не великолепие» («Некоторые строфы двух авторов», 1774).

В корпусе юному Александру внушили представление о достоинстве дворянина – человека, рожденного для служения Отечеству, чести, культуре, добродетели. Те двадцать лет, которые он прожил в Петербурге, были наполнены служением «на благо Отечества» так, как его понимал Сумароков.

Позже в своем стихотворении «Сатира о благородстве», то есть о дворянстве, он напишет:

Сию сатиру вам, дворяня, приношу!
Ко членам первым я отечества пишу.
Дворяне без меня свой долг довольно знают,
Но многие одно дворянство вспоминают,
Не помня, что от баб рожденным и от дам,
Без исключения всем праотец Адам.
На то ль дворяне мы, чтоб люди работали,
А мы бы их труды по знатности глотали?
Какое барины различье с мужиком?
И тот и тот земли одушевленный ком;
А если не ясняй ум барский мужикова,
Так я различия не вижу никакого.
Мужик и пьет и ест, родился и умрет;
Господский также сын, хотя и слаще жрет
И благородие свое нередко славит,
Что целый полк людей на карту он поставит.
Ах, должно ли людьми скотине обладать?
Не жалко ль? Может бык людей быку продать,

А во учении имеем мы дороги,
По коим посколизнуть не могут наши ноги...

При всем при этом он оставался последовательным сторонником крепостного права. Екатерина, игравшая с мыслью об освобождении крестьян, в 1766 году предложила Вольно-экономическому обществу объявить конкурс на сочинение на тему владения крестьянами. Сумароков, не будучи даже членом общества, тут же послал ему свой протест. Он писал, что каждому понятно: крестьянам лучше быть свободными, а дворянам лучше, чтобы они оставались в крепости, так же как канарейке, забавляющей хозяина, лучше быть на воле, а не в клетке, или собаке, стерегущей дом, лучше быть не на цепи: «Однако одна улетит, а другая будет грызть людей; так одно потребно для крестьянина, а другое для дворянина». Разница между этими вполне естественными желаниями, по мнению Сумарокова, заключается в том, что интересы дворянства совпадают с интересами государства. Сумароков резюмирует: «свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит».

* * *

В 1747 году Сумароков издал свою первую трагедию «Хорев», в следующем году новую трагедию – «Гамлет». «Наверное, Сумароков перевел Шекспира!» – решите вы. И ошибетесь. У Шекспира пьеса начинается с переключки сторожей в Эльсиноре. Сумароков начинает «с места в карьер». Гамлет выходит на сцену и произносит монолог, в котором рассказывает о своей любви к Офелии, мешающей ему сосредоточиться на мести Клавдию.

Смутился дух во мне. О ночь! о страшный сон!
Ступайте из ума любезны взоры вон!
Наполни яростью, о сердце! нежны мысли,
И днесь между врагов Офелию мне числи!
Офелию – увы! едино имя то
Преображает все намеренье в ничто,
И нудит, во уме загладить ужас ночи.
Что ж зделают потом ея драгие очи!
О долг! преодолей любовь и красоту,
Остави щастливым приятну суету!
Отрыгни мне теперь тиранов гнусных злоба,
Свирепство к должности, на жертву к месту гроба,
Где Царь мой и отец себе отмщенья ждет!
Он совести моей покою не дает:
Я слышу глас ево, и в ребрах вижу рану:
О сын мой! вопиет, отмсти, отмсти тирану!
И свободы граждан.

Дело в том, что и в руках самого Сумарокова не было оригинальной пьесы. Он пользовался французским прозаическим переводом, сам вносил в пьесу некоторые изменения, и в 1750 году она была поставлена Императорским театром в Петербурге.

* * *

Несколькими месяцами раньше, в конце 1749 года, на Святках, кадеты решили поставить «Хорева» у себя в корпусе. Возможно, их привлек патриотический сюжет пьесы, рассказывающей историю двух братьев – легендарного князя Кия, давшего имя Киеву, и его младшего брата – полководца Хорева. Хорев влюблен в Аснельду, дочь прежнего князя Завалоха, изгнанного Кием. Хорев и Аснельда хотят пожениться и таким образом примирить давних врагов. Но так как у трагедии не может быть счастливого конца, их замысел разрушает подозрительность Кия. Обвиненная им, Аснельда принимает яд, а безутешный Хорев закалывается.

Спектакль повторили во дворце, и с тех пор кадеты стали часто играть русские пьесы при дворе. Сумароков принимал в этих постановках активное участие.

В 1756 году он становится директором первого постоянного Русского театра, для которого из Ярославля выписали труппу, организованную молодым ярославским купцом Федором Григорьевичем Волковым. Сумароков и Волков быстро подружились, ярославец старался учиться у столичного драматурга. Много лет Сумароков писал для театра пьесы: трагедии «Хорев» (1748), «Гамлет» (1748), «Синав и Трувор» (1750), «Аристана» (1750), «Семира» (1751) и двадцать комедий.

Русский зритель впервые увидел на сцене не только римлян в белых тогах, не только варварских царей из экзотических стран, но и персонажей своей истории – киевских князей Кия и Хорева, новгородских князей Синеуса и Трувора. Хотя персонажи эти были мифическими, они убеждали зрителя в том, что не только в Европе кипели страсти, не только европейцы демонстрировали высоту духа и героизм. Из девяти трагедий Сумарокова действие только двух происходит не в России: «Гамлет» – в Дании и «Аристана» – в Персии.

Замечу, что Сумароков часто отступал от классических канонов трагедии, сложившихся еще в Древней Греции, в самом деле, только две из его трагедий («Хорев» и «Синав и Трувор») оканчиваются смертью героев. Все остальные имеют счастливый конец: добродетель вознаграждена, и счастливые влюбленные, доказавшие свое благородство, стойкость и верность высоким моральным принципам, идут к алтарю. Да-да! И у «Гамлета» тоже счастливый конец! Влюбленной паре приносят весть о самоубийстве взятого под арест Полония, и пьеса заканчивается словами Офелии:

Я все исполнила, что дочери надлежало:
Ты само небо днесь Полонья покарало!
Ты, Боже мой! ему был долготерпелив!
Я чту судьбы твои! твой гнев есть справедлив!
Ступай мой Князь во храм, яви себя в народе,
А я пойду отдать последний долг природе.

Если в своих трагедиях Сумароков вознаграждал добродетель, то в комедиях он с удовольствием бичует порок, представляя зрителям целую галерею отрицательных персонажей с «говорящими» именами. Это и жадные дворяне-жулики Чужехват («Опекун») и Кашей («Лихоимец»), клеветник Герострат («Ядовитый»), самовлюбленный щеголь Нарцисс («Нарцисс»).

Также Сумароков сотрудничал с журналом «Ежемесячные сочинения», сам издавал журнал «Трудолюбивая пчела». «Ежемесячные сочинения» выходили с 1755 года под редакцией академика Г. Ф. Миллера. Это был тот период, когда единственный литературный журнал, издававшийся под эгидой Академии наук, занимался как пропагандой и популяризацией

научно-технических достижений, так и публикацией прозаических и поэтических произведений. Здесь же по рекомендации Сумарокова печатались произведения его товарищей по Пажескому корпусу: Хераскова, Нарышкина, Нартова, Ржевского, Елагина.

«Трудолюбивая пчела» – первый журнал в России, издававшийся одним лицом. И снова Сумароков печатал в нем как свои произведения, так и тексты друзей и единомышленников. Также он публиковал свои басни, эпиграммы и статьи в журнале Шляхетского кадетского корпуса «Праздное время в пользу употребленное».

В 1761 году Сумароков потерял управление театром. Он попытался сделать чисто литературную карьеру, выпустил несколько сборников басен и стихов и спустя восемь лет переселился в Москву. Там в 1768–1774 годах он принимает участие в организации Московского театра и снова пишет для него пьесы – трагедии «Ярополк и Димиза» (1758), «Вышеслав» (1768), «Дмитрий Самозванец» (1771), «Мстислав» (1774).

Конец жизни Сумарокова был печален. Он рассорился со всей своей родней, разорился, его мучили долги. Первый брак оказался неудачным, и Сумароков расстался с женой. Позже он влюбился в свою крепостную, дал девушке вольную и женился на ней, что вызвало поток сплетен и всеобщее осуждение. Родственники первой жены начали процесс против него, требуя лишения прав его детей от второго брака. Процесс длился долго. Дело дошло до Сената, который вынес решение в пользу Сумарокова. Однако судебная тяжба отняла последние сбережения, и, когда Александр Петрович умер в 1777 году, не осталось даже денег на похороны. Гроб Сумарокова несли на руках до кладбища актеры Московского театра. Кроме них, провожали прах поэта только два человека.

Екатерина II – посеявшая ветер и пожавшая бурю

В конце XVIII века литературная жизнь в Петербурге, да и по всей России, начинает бить ключом. Русские дворяне, получившие европейское образование, уже не диковинка, обыденное явление. За 25 лет, с 1776 по 1800 год, выходит почти втрое больше книг, чем за 50 лет до того (с 1725 по 1775 год). А именно около 6500 книг. И это не считая церковных изданий, газет и журналов.

В России начинают переводить произведения французских просветителей: Вольтера, Руссо, Дидро, Гельвеция, Рейналя, Мабли и др. Среди переводчиков мы видим имена крупнейших российских писателей того времени: Сумарокова, Богдановича, Хераскова, Княжнина, Фонвизина.

Екатерина II

Дидро приезжает в Петербург по приглашению Екатерины II. Он поселился в доме на Исаакиевской площади (современный адрес – Исаакиевская пл., 9), где прожил пять месяцев, почти постоянно общаясь с императрицей, и уехал, рассыпаясь в комплиментах просвещенной государыне, которые, впрочем, звучали не совсем искренне. Екатерина позже вспоминала об этих встречах: «Я долго с ним беседовала, но более из любопытства, чем с пользой. Если бы я ему поверила, то пришлось бы преобразовать всю мою империю, уничтожить законодательство, правительство, политику, финансы и заменить это несбыточными мечтами». Дидро же заметил как-то, что в Екатерине «душа Брута».

С Вольтером императрица переписывается; некоторое время старого философа тешит мысль стать наставником государыни (он назвал ее Прекрасная Като), но позже он охладевает к этой идее.

Исаакиевская пл., 9

Екатерина между тем среди государственных трудов находила время и для литературной деятельности. Она перевела с французского «Велизария» Мармонтеля. Книгу лично прислал ей автор – просветитель и сотрудник «Энциклопедии», в ней в художественной и популярной форме излагалось учение французских просветителей о государстве. Екатерина собственноручно написала несколько комедий («О время!», «Именины госпожи Ворчалкиной», «Передняя знатного боярина», «Госпожа Вестникова с семьею» и т. д.), а кроме того, либретто опер («Февей», «Новгородский богатырь Боеславич», «Храброй и смелой витязь Ахридеич», «Горе-Богатырь Косометович»). Она писала статьи, очерки и сказки для любимых внуков Александра и Константина. Писала на плохом русском языке, который мужественно исправлял ее секретарь, уже знакомый нам соученик Сумарокова и Хераскова Иван Перфильевич Елагин.

Она написала также мемуары, в которых откровенно рассказывала о своем пути к трону и всячески старалась убедить читателя в том, что осуществленный ею переворот стал необходимостью, предпринятой ради спасения России от рук неумного и непатриотичного Петра III. Мемуары эти не были рассчитаны на опубликование, во всяком случае, ни при ее жизни, ни вскоре после смерти, и есть что-то трогательное в том, как старая женщина пытается убедить своих неведомых потомков в том, что она оказалась права во всех своих решениях и поступках.

С начала 1769 года императрица начинает издавать еженедельный сатирический журнал «Всякая всячина». Журнал был анонимен, его редактором официально считался еще один секретарь императрицы, Григорий Васильевич Козицкий, однако ни для кого не явля-

лось секретом, что автором большинства статей и материалов в журнале была сама Екатерина. Это – уникальный случай, когда монархиня, и монархиня, безусловно, самовластная, пожелала объясниться со своим народом (вернее, с его образованной верхушкой), да еще и в форме насмешек и сатиры.

Например, в 1769 году «Всякая всячина» рассказывала, что все спорщики и «прожектеры» были отправлены «в другую столицу» (т. е. в Москву), и вот каков был результат их деятельности: «Недавно один из нас приехал домой (т. е. в Петербург. – *Е. П.*) и привез с собою списки с разных проектов, кои скоро подадутся правительству. Первый состоит в том, чтоб из города Ромны сделать порт. Другой содержит замысел, чтобы сложить подушный оклад, а вместо того обещает семьдесят миллионов серебряною монетою дохода; и для того советует нарядить секретную эскадру из двух тысяч кораблей, коими б завоевать неизвестные острова Тихого моря, и убив тамо черных лисиц, продавать оные ежегодно на ефимки чужестранным. Третий сочинен для поправления нашей с турками торговли, для способствования которой предлагает дать силу 1714 года указу о лихоимстве в турецких областях. Четвертый советует закупить все яйца во всем государстве и продать оные из казны. Пятый, любя общую пользу, хочет сообщить публике, каким образом удвоить зерна разного хлеба, и для делания толь полезного опыта просит деревни, мужиков и денег. Я спросил: кто делал сии проекты? Мне сказали: люди острые. А кто же именно? По большей части все проторговывавшиеся купцы. А денег и деревни кто просит? Молодой человек, который отцовское все прожил».

Но не всегда «Всякая всячина» критиковала политические движения. Доставалось от нее, к примеру, и женским нарядам и манерам. Так, она жаловалась, что «многие молодые девушки чулков не вытягивают, а когда сядут, тогда ногу на ногу кладут; через это поднимают юбку так высоко, что я сие приметить мог, а иногда и более сего». Это, кажется, уже не окрик монархини в адрес слишком дерзких подданных, а ворчание пожилой тетки, недовольной одеждой и привычками молодежи.

* * *

Но, пожалуй, Екатерина сама не предполагала, какого беса выпускает из бутылки. Вслед за «Всякой всячиной» стали появляться другие сатирические журналы: «И то и се» М. Д. Чулкова, «Смесь» и «Адская почта» Ф. А. Эмина, «Трутень» Н. И. Новикова, «Ни то ни се» В. Г. Рубана, «Поденщина» В. В. Тузова, «Полезное с приятным» И. А. Тейльса и И. Ф. Румянцева. Большая часть этих журналов быстро закрылась, но они успели всласть поострить и позлословить.

Один из этих журналов, а именно московский «Трутень», вступил в острую полемику со «Всякой всячиной». «Всякая всячина» сурово осуждала мягкое обхождение с крепостными слугами, недвусмысленно рекомендуя строгость с ними (вплоть до порки) и считая, что все они негодяи и нуждаются в дисциплине. «Трутень» же писал, например (в «Санктпетербурге... из Литейной»): «Змеян, человек неосновательный, езда по городу, надсадается, кричит и увещает, чтоб всякий помещик, ежели хорошо услужен быть хочет, был тираном своим служителям; чтоб не прощал им ни малейшей слабости; чтоб они и взора его боялись; чтоб они были голодны, наги и босы и чтоб одна жестокость содержала сих зверей в порядке и послушании. В самом деле Змеян поступает со своими рабами, как проповедует. О человечество! Колико ты страдаешь от безумия Змеянова. И если б все дворяне пример брали с сего чудовища, то бы не было у нас кроме мучителей и мучеников. Однако благоразумный Мирен не следует мнению Змеянову, и совсем отменно с подвластными себе обходится. Ежели Мирен не наилучших в России слуг имеет, то, по крайней мере, не боится, чтоб он ими был проклинаяем».

Обложка журнала «Трутенъ»

И это далеко не единственный раз, когда «Трутень» бесстрашно и открыто вступал в спор со «Всею всячиной» и нападал на нее. «Всекая всячина» напечатала подряд две «разносные» статьи против «Трутня». Первая статья содержит советы редактора «Всекой всячины» некоему злоязычному и критически настроенному «господину А.»:

«Писатель письма от 26 марта 1769 года, подписанного ваш покорнейший и усердный слуга А., узнал, что его письмо не будет напечатано. Мы советуем ему оное беречь до тех пор, пока не будет сделан лексикон всех слабостей человеческих и всех недостатков разных во свете государств. Тогда сие письмо может служить реестром ко вспоминанию памяти сочинителю; а до тех пор просим господина А. сколько возможно упражняться во чтении книг таких, посредством которых мог бы он человеколюбие и кротость присовокупить ко прочим своим знаниям; ибо нам кажется, что любовь его ко ближнему более распространяется на исправление, нежели на снисхождение и на человеколюбие; а кто только видит пороки, не имев любви, тот не способен подавать наставления другому. Мы и о том умолчать не можем, что большая часть материй, в его длинном письме включенных, не есть нашего департамента. Итак, просим господина А. впредь подобными присылками не трудиться; наш полет по земле, а не на воздух, еще же менее до небеси; сверх того мы не любим меланхолических писем».

Вторая статья содержала еще более резкую отповедь критикам:

«Был я в беседе, где нашел человека, который для того, что он более думал о своих качествах, нежели прочие люди, возмечтал, что свет не так стоит; люди все не так делают; его не чтут, как ему хочется; он бы все делать мог, но его не так определяют, как бы он желал: сего он хотя и не выговаривает, но из его речей то понять можно. Везде он видел тут пороки, где другие, не имев таких, как он, побудительных причин, на силу приглядеть могли слабости, и слабости весьма обыкновенные человечеству» и т. д.

В заключение «Всекая всячина» рекомендовала: «1) Никогда не называть слабости пороком. 2) Хранить во всех случаях человеколюбие. 3) Не думать, чтоб людей совершенных найти можно было, и для того. 4) Просить Бога, чтоб нам дал дух кротости и снисхождения. Я нашел сие положение столь хорошо, что принужденным себя нахожу вас просить, дать ему место во „Всекой Всечине“...»

Р. С. Я хочу завтра предложить пятое правило, именно, чтобы впредь о том никому не рассуждать, чего кто не смыслит; и шестое, чтоб никому не думать, что он один весь свет может исправить».

«Трутень» ответил своим «письмом в редакцию», подписанным «Правдолюбов»: «... По моему мнению, больше человеколюбив тот, кто исправляет пороки, нежели тот, который оным снисходит или (сказать по-русски) потакает, — писал Правдолюбов, — а ежели смели написать, что учитель, любви к слабостям не имеющий, оных исправить не может, то и я с лучшим основанием сказать могу, что любовь к порокам имеющий никогда не исправится»; и еще: «...Для меня разумнее и гораздо похвальнее быть Трутнем, чужие дурные работы повреждающим, нежели такую пчелою, которая по всем местам летает и ничего разобрать и найти не умеет».

«Всекая всячина», разумеется, молчать не стала: «На ругательства, напечатанные в „Трутне“ под пятым отделением, мы ответственность не хотим, уничтожая оные, — писала она, — а только наскоро дадим приметить, что господин Правдолюбов нас называет криводушниками и потатчиками пороков для того, что мы сказали, что имеем человеколюбие и снисхождение ко человеческим слабостям и что есть разница между пороками и слабостями. Господин Правдолюбов не догадался, что, исключая снисхождение, он истребляет милосердие. Но милосердие его не понимает, что бы где ни на есть быть могло снисхождение; а может стать, что и ум его не достигает до подобного нравоучения. Думать надобно, что ему бы

хотелось за все да про все кнутом сечь... Нам его меланхолия не досадна, но ему несносно и то, что мы лучше любим смеяться, нежели плакать».

На это «Трутень» ответил от имени все того же «Правдолюбова»: «Госпожа Всякая Всячина на нас прогневалась и наши нравоучительные рассуждения называет ругательствами. Но теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думал. Вся ее вина состоит в том, что на русском языке изъясняться не умеет и русских писаний обстоятельно разумать не может; а сия вина многим вашим писателям свойственна».

Это уже стало прямым оскорблением, тем более чувствительным, что для Екатерины русский язык не был родным. Полемика продолжалась еще какое-то время. Спорщики обменивались колкостями, видимо, к немалому удовольствию публики. Но постепенно втянутый в эту пикировку издатель «Трутня» Новиков стал терять своих читателей, и хотя в 1770 году в «Трутне» объявлялось, что «Всякая всячина» скончалась («это еще скрывают, но через неделю о том узнают все»), но через две недели закрылся и «Трутень».

* * *

Однако другие журналы не утратили своего задора. Например, журналы Ф. А. Эмина «Адская почта» и «Смесь» публиковали острые сатиры на духовенство, критикуя его распущенность и жадность. Эмин обрушивался также на бюрократов и на всю знать, чванившуюся своим происхождением.

«Чем далее кто начнет рассуждать, тем более будет находить, что по сим основаниям нет разума в простом народе, – писал Эмин. – Имеет ли он добродетель? И того не знаю. Затем, что стихотворцы прославляют добродетели лирическим гласом, однако я никогда не читал похвальной оды крестьянину, так же, как и кляче, на которой он пашет. Но простой народ терпелив: он сносит голод, жар, стужу, презрение от богатых, гордость знатных, нападки от управителей, разорение от помещиков, одним словом, от всех, кои его сильнее... Если же простой народ оказывает одно только естественное стремление во всех своих хороших качествах, то же самое видно и в его пороках. Ударь крестьянина, то он бросится сам на тебя, так точно, как дикой зверь. Но благородная душа иногда и снесет от тебя обиду, дабы по времени тебе хорошенько отомстить, или, вынув шпагу, честно тебя заколет. Простые разбойники грабят, терзая людей наподобие тигров; и их за то наказывают. Но разумные люди знают, что надобно иметь хороший чин, защиту и место, и тогда уже начинают грабить, ибо, приняв все нужные предосторожности, не опасаются наказания... Все сии сравнения, повседневно утверждаемые знатными и дворянами, привели меня в такое сомнение, что я не знал, какими животными считать сих людей, коих мы называем простым народом и которых в древние времена греки и римляне почитали большей частью своею силой и требовали их голоса для многих важных предприятий, касающихся до благосостояния Отечества. Демосфен и Цицерон говорили им речи: почему должно думать, что сии славные мужи считали их людьми. Приняв сие в рассуждение, просил я одного искусного анатомиста, чтоб он рассмотрел голову крестьянина и голову благородного. Сей искусный человек к великому моему удивлению показал мне в крестьянской голове все составы, жилы и прочее, способствующее к составлению понятия, и через свой микроскоп увидел, что крестьянин умел мыслить основательно о многих полезных вещах. Но в знатной голове нашел весьма неосновательные размышления: требование чести без малейших заслуг, высокомерие, смешанное с подлостью, любовные мечтания, худое понятие о дружбе и пустую родословную. Наконец, уверил меня, что и простой народ есть создание, одаренное разумом, хотя князья и бояре утверждают противное. Но что до того нужды: многие сограждане видят истину, закрытую завесом ложного предрассуждения. Пусть народ погружен в незнание, но я сие говорю богатым и знатым, утесняющим человечество в подобном себе создании».

Участвуя в полемике «Всякой всячины» и «Трутня», Эмин энергично отрекся от «родства» с журналом Екатерины.

«Объявите мне, отчего происходит желание причитаться в родню? Затем, что я вижу в городе такую бабушку (так называли «Всякую всячину». – *Е. П.*), которая всех писателей журналов включает в свое племя, и всегда на них ворчит, хотя сквозь зубы; из чего заключаю, что они не от нее происходят, а она сама на них клевет. Но почто же называться роднёю? Или она уже выжила из ума? Сомнение мое час от часу умножается: я рассматривал ее труды и после сличал с ее потомством, однако не находил ни малых следов, чтоб она была способна к такому детородию; ибо последние ее внучата поразумнее бабушки; в них я не вижу таких противоречий, в каких она запуталась. Бабушка в добрый час намеряется исправлять пороки, а в блаженный дает им послабление: она говорит, что подьячих искушают, и для того они берут взятки: а это так на правду походит, как то, что чорт искушает людей и велит им делать зло. Право, подьячие без всякого искушения, сами просят за работу. Сия же старушка советует, чтобы не таскаться по приказным крючкам, то должно мириться и разделяться добровольно: всякий сие знает, и, конечно, по пустому тягаться не сыщется охотников. Верно, если б все были совестны и наблюдали законы, то не надобно бы было и судов и приказов, и подьячим бы не шло государево жалованье. Но когда сие необходимо, то для чего ей защищать подьячих? Знать, что они-то истинное ее поколение...»

Позже Эмин выпускал журнал «Почта духов», а Новиков, редактор «Трутня», издавал журналы «Пустомеля», «Живописец» и «Кошелек». Все эти журналы, как и многие другие, сообщая прививали публике вкус к сатире, к мягкой насмешке, едкой иронии и ядовитому сарказму. Они учили критическому взгляду на мир, учили без боязни возражать сильным мира сего, поднимать их на смех, бичевать их грехи и пороки. И мы еще увидим, что эти уроки не пропали даром.

* * *

Действие многочисленных пьес Екатерины II происходит, как правило, в маленьких городках, где живут необразованные и непросвещенные люди. Одно из немногих исключений – это ее неоконченная пьеса «Чесменский дворец», в которой местом действия как раз и является путевой дворец на Царскосельском тракте (в районе современной станции метро «Московская»). Сначала этот дворец носил название «Кикерики», так как поблизости располагалось большое болото, которое жившие здесь когда-то финны прозвали Кикерикесен, что означает «Лягушачье болото». После победы русского флота в Чесменской бухте (1770 год) здесь по проекту Юрия Фельтена построили Чесменскую церковь, или церковь Рождества святого Иоанна Предтечи. С этого времени Екатерина повелела называть дворец так же – Чесменским. Дворец, построенный, как и церковь, в готическом (а точнее, в ложноготическом) стиле, напоминал маленькую крепость в форме треугольника с тремя башнями по углам, окруженную рвом и валом. В центре него располагался парадный круглый зал. Для этого дворца императрица заказала фарфоровый сервиз из 952 предметов с изображением лягушек на каждом из них. После смерти Екатерины здание дворца перестроили, и в таком виде оно сохранилось до наших дней.

Чесменский дворец

Чесменская церковь

Но содержание пьесы не имеет никакого отношения ни к войне с турками, ни к повседневной жизни путевого дворца. Действие в ней происходит глубокой ночью в покинутом

дворце, где единственной живой душой является старый ночной сторож. Он обходит дворец и внезапно слышит голоса, доносящиеся из центрального круглого зала, где находится галерея мраморных портретов великих князей и царей русских от Рюрика до Елизаветы Петровны, которую создал скульптор Федор Шубин по приказу императрицы. Оказывается, портреты заговорили. Вскоре к их разговору присоединяются также портреты всех правивших в 1775 году европейских монархов, висящие в других залах дворца. Императрица Елизавета упрекает Марию Терезию за унылое вдовье платье и рассказывает, что уж она-то умела наряжаться и собственноручно срывала украшения с придворных дам, если те смели соперничать с ней в богатстве наряда. Фридрих Великий удивляется бороде Александра Невского и интересуется, были ли его древнерусские коллеги грамотными. Александр обиженно просит «не судить о людях по бороде» и заверяет немца, что русские князья хорошо умели править и были патриотами, в отличие от Фридриха, который плохо говорит по-немецки и увлечен французской поэзией. Алексей Михайлович пытается оправдаться перед отцом за свой второй брак и говорит, что от этого брака родился гениальный сын – Петр I. Екатерина I говорит, что «каждый правит как может» и сапог Калигулы на императорском престоле в свое время выглядел не хуже, чем она. Петр II уверяет, что только он был законным наследником Петра. Неугомонная Елизавета Петровна вступает в спор с Анной Иоанновной, а потом обе ехидно благодарят Петра II за то, что он любезно уступил им место на троне. И так далее, и тому подобное.

Пьеса небольшая, но очень смешная, полная остроумных «шпилек», которые так ценились в литературе и салонных разговорах XVIII века. Правда, она имеет чисто номинальное отношение к Петербургу, но не будем слишком придирчивыми.

Матинский и Фонвизин – драматурги нового времени

В своих трагедиях на исторические темы Сумароков обращался к истории Древней Руси, его героями были князья и бояре, отделенные от зрителя многими столетиями. Но повседневная реальность, в том числе и реальность петербургская, все же проникала в новый национальный театр. Так, в 1782 году Санкт-Петербургской публике предложили комическую оперу Михаила Матинского, которая называлась «С.-Петербургский Гостиный двор».

Биография автора либретто этой оперы была достаточно примечательна. Матинский – крепостной графа Ягужинского, имевший музыкальное образование, позже он получил вольную. Работал преподавателем в Смольном институте, опубликовал несколько трудов по геометрии, географии. Подрабатывал переводами и писал пьесы. К тексту «Гостинного двора» он сам написал музыку.

В опере Матинского зрители могли увидеть мир, с которым соприкасались почти ежедневно, но чаще всего – вскользь, не задерживая на нем своего внимания. Прежде всего, это мир купцов и подьячих, но также и мир небогатых дворян и разбогатевших крестьян. Всего в пьесе изображено более двадцати персонажей, относящихся к разным социальным слоям, что позволяло показать целую панораму столичного города.

К сожалению, оригинальный текст либретто и музыка не дошли до нас. Мы знаем о пьесе только по ее переделке композитором Василием Александровичем Пашквичем в 1792 году, когда ее вновь поставили под названием «Как поживешь, так и прослывешь».

Главный герой оперы – купец-плут, самодур и скряга. В первом действии зрители попадали прямиком в Гостиный двор, где бойко шла торговля, продавцы зазывали покупателей, купцы осматривали товары и подсчитывали выручку. Во втором действии зритель видел во всех подробностях сцену предсвадебного стовора между родителями невесты и жениха, на сцене пелись народные песни, произносились обязательные по ходу обряда реплики и т. д.

В новой редакции пьесу впервые поставили на сцене Придворного театра 2 февраля 1792 года.

Пр. Бакунина, 6. Современное фото

* * *

Но где находится тот Гостиный двор, о котором идет речь в пьесе? Дело в том, что в Петербурге XVIII века их было несколько.

Первый Гостиный двор появился сразу после основания города. Находился он на бывшей Троицкой площади, там, где позже возвели особняк Матильды Кшесинской. Деревянные лавки уничтожил пожар в 1710 году, и через два года на их месте возвели новое двухэтажное каменное здание, крытое черепицей. Там же были биржа, таможня и аукционная камера. В 1737 году торговля на Троицкой площади прекратилась, и здание стали использовать как склад.

В 1719 году на берегу реки Мойки, у нынешнего Зеленого моста, по проекту архитекторов Г. И. Маттарнови и Н. Ф. Гербеля построили каменный Гостиный (Мытный) двор. Здесь не только торговали, но и взимали торговую пошлину («мыто»). Когда при пожаре 1738 года он сгорел, приняли решение не восстанавливать его на прежнем месте. Новое здание Мытного двора построили в 1785 году у излучины Невы (современный адрес – пр. Бакунина, 6). Позже, в 1812–1813 годах, его перестроили по проекту В. П. Стасова.

Тифлисская ул., 1. Современное фото

Еще один каменный торговый двор, так называемый Портовый двор, построил архитектор Доменико Трезини на Васильевском острове в 1722 году. Здесь торговали оптом товарами, которые сгружались с иностранных кораблей. Здания Портового двора простояли до начала XX века, но обветшали, и их разобрали. Случайно уцелела лишь часть постройки (дом № 1 по Тифлисской ул.). Сейчас это здание занимает библиотечный фонд Библиотеки Академии наук.

В 1712–1717 годах на месте будущей Дворцовой площади существовал Морской рынок, получивший свое название по Морской слободе, которая была заселена кораблями, работавшими на Адмиралтейской верфи. Здесь торговали продуктами и сеном для лошадей.

Позже он сгорел, и лавки переехали. Впоследствии здесь запретили торговлю, создав поблизости, на берегу Мойки, Финский, или Круглый, рынок (возведенный по проекту Джакомо Кваренги в 1790 г.), а частью торговлю перенесли на расположенную неподалеку площадь, которая получила название Сенной. Но этот рынок и эта площадь заслуживают отдельного рассказа, и мы туда обязательно вернемся.

Ряды лавок тянулись также вдоль Невской перспективы. В 1780 году их уничтожил очередной пожар. Тогда на Садовой улице построили Щукин, Апраксин дворы и Никольские ряды. Кстати, в том же 1781 году Невская перспектива, или Большая перспективная дорога, получила новое название – Невский проспект. Это было знаком того, что Петербург теряет черты военного поселения и становится настоящим городом. Позже, по указу Николая I, Апраксин и Щукин дворы объединили в один обширный рынок. Те корпуса, которые мы видим сегодня, возвели в 1870–1880-х годах.

А когда же построили знакомый нам Гостиный двор? Его строительство началось еще в 1830-х годах. Первый проект, созданный архитектором Антонио Ринальди, был готов к концу 1740-х годов, но из-за недостатка финансирования в 1761 году приняли более простой – зодчего Жан-Батиста Валлен-Деламота.

Завершилась постройка Большого Гостиного двора только в 1785-м. Именно там, в новом и мгновенно ставшем очень популярным среди петербуржцев здании, по всей видимости, и происходило действие комедии Матинского. Чтобы покупателям было легче ориентироваться, лавки здесь располагались в «линии»: вдоль Невского – Суконная линия, где торговали парфюмерией, галантереей и книгами, вдоль нынешних улиц Перинной и Ломоносова проходили Большая и Малая Суровские линии, где можно было купить неотделанные ткани, вдоль Садовой – Зеркальная линия с зеркалами, ювелирными изделиями и предметами роскоши. А в 1790-х годах по проекту Джакомо Кваренги возвели Малый Гостиный двор (позже здание перестроили).

Большой Гостиный двор. Современное фото

В 1789 году на участке земли по Садовой улице, между Фонтанкой и речкой Кривушей, на деньги купеческой общины возвели торговые ряды. Их строительство завершили в тот день, когда был взят Очаков, и в честь этого события ряды называли Очаковскими. В XIX веке рынок стал называться Никольским (в часть расположенного неподалеку Никольского морского собора). Рынок стал знаменит своим «Обжорным рядом», переехавшим сюда в 1880-х годах с Сенного рынка. Здесь покупали еду сезонные рабочие: каменщики, плотники, маляры, штукатуры, здесь же можно было дешево нанять работника или прислугу.

И наконец, в начале XIX века построили Новый Гостиный двор на Васильевском острове по проекту Джакомо Кваренги. Он находился неподалеку от здания Двенадцати коллегий (современный адрес – Менделеевская линия, 5, сейчас там расположены философский и исторический факультеты университета).

Д. И. Фонвизин

* * *

Другой, гораздо более прославленный драматург XVIII века – Денис Иванович Фонвизин – происходил из старого дворянского рода. Его отец вырос в дни Петра I и остался верен его идеалам просвещения и служения обществу. Возможно, именно его или кого-то из его друзей выведет позже Фонвизин в образе Стародума – мудрого старца, радеющего о пользе государства, несмотря на то что ему пришлось претерпеть немало несправедливостей от сменивших Петра правителей России.

Фонвизин учился сначала в гимназии при Московском университете, позже в самом университете, где сблизился с Херасковым и его учениками – молодыми московскими литераторами. В журнале Хераскова «Полезное увеселение» шестнадцатилетний Фонвизин публиковал свои первые очерки.

Переехав в 1762 году в Петербург, Фонвизин определен переводчиком в Иностранную коллегию, а уже в следующем году поступает на службу к школьному другу Сумарокова, кабинет-министру Ивану Перфильевичу Елагину, и вскоре приглашен в его литературный кружок. Он переводил трагедии Вольтера, опубликовал первые басни, которые ходили по рукам в списках и быстро сделали молодого сатирика известным.

В 1766 году Фонвизин написал комедию «Бригадир», высмеивающую одновременно и косное малообразованное провинциальное дворянство, и молодых людей, понахватавшихся по верхам образования в Париже и любому умному чтению предпочитающих любовные романы.

Денис Иванович читал комедию при дворе и в салонах знатных вельмож, и она имела шумный успех. Никита Иванович Панин, воспитатель цесаревича Павла Петровича, реформатор и весьма прогрессивный деятель, что сделал? и «сердце мое с сей минуты к нему привержено стало», – вспоминал впоследствии Фонвизин. В 1769 году Фонвизин покинул службу у Елагина и вновь поступил в Коллегию иностранных дел, уже непосредственно под начальство Панина. Когда в 1782 году Панин вынужден был покинуть свой пост, то по его поручению Фонвизин написал по «мыслям» Панина его политическое завещание, адресованное Павлу Петровичу и обвиняющее в бедах России правительство Екатерины и Потемкина. В следующем году Панин умер, а его с Фонвизиным «Послание» позже сделалось одним из рукописных пропагандистских произведений, использованных декабристами.

В том же 1782 году в Вольном российском театре в Петербурге, на Царицыном лугу (ныне – Марсово поле), была поставлена самая известная пьеса Фонвизина «Недоросль». Эта премьера состоялась благодаря просьбам Панина и покровительству цесаревича. Возможно, Павлу пришлось по душе те колкости, которые там и тут отпускали по адресу правительства Екатерины положительные герои пьесы. Чего стоил хотя бы такой диалог между Правдиным и Стародумом.

Правдин. С вашими правилами людей не отпускать от двора, а ко двору призывать надобно.

Стародум. Призывать? А зачем?

Правдин. Затем, зачем к больным врача призывают.

Стародум. Мой друг, ошибаешься. Тщетно звать врача к больным неисцельно. Тут врач не пособит, разве сам заразится.

Но снова основными мишенями критики Фонвизина становятся провинциальные помещики, темные и необразованные, где-то краем уха слышавшие про «Указ о вольности дворянства», изданный Петром III, и перетолковавшие его по-своему.

Правдин. А вы считаете себя вправе драться тогда, когда вам вздумается?

Скотинин. Да разве дворянин не волен поколотить слугу, когда захочет?

Правдин. Нет... сударыня, тиранствовать никто не волен.

Г-жа Простакова. Не волен! Дворянин, когда захочет, и слуги высечь не волен? Да на что же дан нам указ-от о вольности дворянства.

Да и само действие комедии происходило где-то в российской глубинке, в поместье Простаковой. В деревне живут и князья Слабоумовы, герои комедии «Выбор гувернера», считающие, что «хозяйничать нам нужды нет, за нами, слава Богу, три тысячи душ, на наш век станет».

Можно предположить, что Фонвизин боялся открытого противостояния с властью. Но это не так. Позже он вступит в прямую полемику с Екатериной на страницах журнала «Собеседник любителей русского слова», задавая августейшей собеседнице весьма неудобные вопросы вроде таких:

«Отчего в век законодательный никто в сей части не помышляет отличиться?».

Екатерина ответила: «Оттого, что сие не есть дело всякого».

Фонвизин спрашивал: «Отчего в прежние времена шуты, шпыни и балагуры чинов не имели, а ныне имеют, и весьма большие?».

Ответ императрицы: «Предки наши не все грамоте умели. Н. В. Сей вопрос родился от свободоязычия, которого предки наши не имели» и т. д.

Возможно, Фонвизин и другие писатели XVIII века так редко упоминают в своих произведениях Петербург оттого, что они старались либо отстраниться от обыденной жизни (как Сумароков и еще один петербургский драматург, Яков Борисович Княжнин, чьи трагедии происходят по большей части в Древней Руси), либо изобразить что-то общее и типичное (как Фонвизин), а Петербург XVIII века ни в коем случае не был типичным для России городом. Если воспользоваться словами того же Фонвизина, это город, где живут «по нужде» (т. е. по необходимости), в то время как в Москве живут «по прихоти». А вокруг Петербурга и Москвы простиралось огромное «государство, объемлющее пространство, какового ни одно на всем известном земном шаре не объемлет и которого по мере его обширности нет в свете малолюднее; государство, раздробленное с лишком на тридцать больших областей... государство, которое силою и славою своею обращает на себя внимание целого света и которое мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся... государство, где люди составляют собственность людей, где человек одного состояния имеет право быть вместе истцом и судьей над человеком другого состояния, где каждый, следственно, может быть навсегда или тиран, или жертва... государство не деспотическое: ибо нация никогда не отдавала себя государю в самовольное его управление и всегда имела трибуналы гражданские и уголовные, обязанные защищать невинность и наказывать преступления; не монархическое: ибо нет в нем фундаментальных законов; не аристократия: ибо верховное в нем правление есть бездушная машина, движимая произволом государя; на демократию же и походить не может земля, где народ, пресмыкаясь во мраке глубочайшего невежества, носит безгласно бремя жестокого рабства» (эти слова взяты из «Завещания» Панина). Именно об этом государстве казалось важным писать Фонвизину. В петербургской жизни, в петербургском быте он и его современники не находили тем для творчества. Но уже очень скоро это изменится.

Глава 2. Город-обличитель. Петербург Радищева

Город рос. Его застройка давно уже шагнула за берега Фонтанки, дотянулась до изгиба Невы и Смольного монастыря, бывшего Смольного двора.

В 1794 году в Петербурге вышла книга «Описание Российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга и достопамятных окрестностей оного», написанная знаменитым путешественником, географом и этнографом Иоганном Готлибом Георги (его имя увековечено в названии георгина). Автор сообщает нам, что в конце XVIII века Петербург был разделен на десять частей (сейчас бы мы сказали, районов), каждая из которых имела свою «специализацию» и, соответственно, свой состав населения.

Вот как описывает их Георги.

«По плану, сочиненному в 1737 году, состоял город из следующих частей:

1. Санкт-петербургская сторона, или Санкт-Петербургский остров (ныне – Петроградская сторона. – *Е. П.*).
2. Васильевский остров.
3. Адмиралтейская сторона, между Невой и Фонтанкою.
4. Выборгская сторона на правом берегу Невы; наконец же к этим частям города причислялась еще
5. Литейная, на левом берегу Фонтанки.

И. Г. Георги

Большие и пространные части города имели, да частию еще и ныне имеют на открытых местах, большие или малые связи друг подле друга стоящих деревянных домов, с давних уже времен слободами называемые. Так, например, находятся на Выборгской части гошпитальные слободы и солдатская слобода для Софийского полка; в частях города на левом берегу Фонтанки имеются 4 гвардейские слободы; в Санкт-Петербургской части есть батальонные слободы и Колтовская; в Василиевской части Галерная гавань, или матросская слобода, и пр. Такое различие мест в частях города употребляется в просторечии и в обнародываемых известиях продаваемых вещей и пр.

По полицейскому уставу Екатерины II, в 1782 году изданному, состоит столица из десяти частей, из коих каждая от 3 до 5, а все вместе 42 квартала содержат. В каждом квартале имеется квартальный надзиратель, квартальный поручик и в каждой части маклер для наемных служанок и слуг.

Нынешние части города, о коих ниже сего пространнее сказано будет, суть:

1. Первая Адмиралтейская часть, состоящая из 4 кварталов, между Большой и Малой Невой.
2. Вторая Адмиралтейская часть, имеющая 5 кварталов, между Мойкой и Екатерининским каналом.
3. Третья Адмиралтейская часть, содержащая 5 кварталов, между Екатерининским каналом и Фонтанкою.
4. Литейная часть, имеющая 5 кварталов, на левом берегу Фонтанки.
5. Рождественская часть имеет 3 квартала и находится на правом берегу Лиговского канала, под Невскою перспективою.
6. Московская часть, состоящая из 5 кварталов, на левом берегу Фонтанки под Литейной частью.
7. Каретная ямская часть имеет 3 квартала и находится на правом берегу Лиговского канала напротив Рождественской части.
8. Василийостровская часть заключает в себе восточную часть острова того же имени, Большой и малой Невой и Кронштатским заливом окруженного, до 13 линии. Что к западу от нее лежит, не считается более к городу. Эта часть имеет 5 кварталов.
9. Петербургская часть заключает в себе Санкт-Петербургский и близ оного лежащие острова, протоками Невы составляемые, и разделяется на 4 квартала.
10. Выборгская часть находится на правом берегу Невы и рукавов ее и имеет 3 квартала...

По счислению, в 1762 году учиненному, было 460 каменных и 4094 деревянных домов по улицам. С того времени особливо каменные дома гораздо приумножились. В 1783 году было по спискам 1094 каменных и 2734 деревянных, вообще 3527 домов. В 1787 году было всего 1291 каменных домов, в числе которых было 108 казенных; деревянных же число казенных домов было 127, а частным людям принадлежащих 2013. И тако всего было 3431 дом. По новому учреждению дома и места, для них определенные, замечаются номерами над воротами или входом написанными. В 1791 году было 4554 номера; в сие число однако же не включаются дома и казармы, в 4 гвардейских слободах находящиеся. Ныне имеется в городе всего 56 церквей православного Греческого исповедания, 1 монашеский и 1 девичий монастырь; протестантских же есть 6 церквей и 5 соборных зал для богослужения, и кроме сих еще и одна Католическая и Армянская церковь».

* * *

В Первой Адмиралтейской части находились собственно Адмиралтейство, Зимний дворец с Дворцовой площадью, Летний сад, Мраморный дворец и Царицын луг, Исаакиевская и Сенатские площади.

Во Второй Адмиралтейской части располагались административные сооружения: дворцовые конюшни, полицейская тюрьма для предварительного заключения до суда и содержания должников, губернские и городские присутственные места, Никольский рынок, Большой каменный театр (будущий Мариинский). Здесь же были поставлены несколько церквей: церковь Казанской Богоматери на Невском проспекте, церковь Святого Николая Чудотворца в Коломне, Общая Реформатская Немецкая и Французская церковь на Конюшенной улице, церковь Голландского Реформатского общества на Мойке, Шведская и Финская

Лютеранские церкви между двух Конюшенных улиц, и рядом с ними Лютеранская Немецкая церковь Св. Петра.

В Третьей Адмиралтейской части, где находились каменный Гостиный двор, Дом Городской думы и Армянская церковь, Георги отмечает Аничков дворец (который в то время пустовал) и дом княгини Вяземской.

В Литейной части располагались предприятия и административные здания: казенные винные и соляные магазины, прачечный двор, Государственное водоходное училище, Литейный двор, от которого часть получила свое название, Арсенал, Императорская шпалерная мануфактура, Дворцовая канцелярия, Контора строения домов и садов и слободы лейб-гвардейского Преображенского и Конного полков. Украшениями этой части стали Таврический дворец, а также дом Воронцова и дом графа Шереметева, «оба с Голландскими садами, а последний с площадью на Фонтанку, украшенной статуями».

В Московской части построили два сахарных завода, из государственных учреждений – больницу для умалишенных и больницу для венерических больных, а также Хирургическое училище, дом для Императорской Академии наук с ботаническим садом при нем. Эта часть города была бедной, застроенной деревянными домами с огородами и немощеными улицами. Но здесь стоял каменный летний дом с парком, принадлежащий великим князьям Александру и Константину.

Такой же бедной и деревянной оставалась и Рождественская часть, расположенная напротив Александро-Невской лавры. Здесь находились слобода Конторы строения домов и садов с церковью Рождества Христова, а также новый каретный ряд, Мытный двор (место, где собирали «мыто», то есть налоги) и частный рынок. Каменных особняков в этой части не было.

Не было их и в соседней Каретной части, в черту которой входила Александро-Невская лавра, казенный стеклянный завод, егерский двор, кирасирские конюшни, скотный двор и бойни. Здесь же, на Черной речке (ныне – река Монастырка), находились русская деревня Волково, греческое и старообрядческое кладбища.

В Василеостровской части каменные здания строились вдоль набережной Невы. В конце XVIII века большинство из них было занято государственными учреждениями, так, например, в бывшем дворце Меншикова находился Шляхетский сухопутный кадетский корпус. В западной, лесистой части острова располагались сальный и масляный буян (пристани для разгрузки соответствующих товаров) и несколько кожевенных заводов. Там же была Галерная гавань, рядом с которой построили слободу, где жили матросы и беднейший люд. Здесь еще во времена Екатерины и даже Павла строились и спускались на воду галеры, а также канонерские лодки, шнявы (небольшие парусные торговые или военные суда) и проч. Жизнь здесь была дешевой, но очень неблагоустроенной. На острове, в его северо-восточной части, также сохранялась чухонская деревня, «около 20 обыкновенных чухонских избушек».

На другом берегу реки находилась Санкт-Петербургская сторона, которую Петр I первоначально планировал сделать центром города. К концу XVIII века здесь остались только деревянные лавки на месте бывшего порта, переведенного на стрелку Васильевского острова, и домик Петра Великого, помещенный в каменный футляр. Вдоль речки Петровки (Ждановки) располагались также деревянные здания Артиллерийского и Инженерного кадетских корпусов, на реке Карповке находился Аптекарский огород. Большая часть Санкт-Петербургского острова вплоть до конца XIX века была застроена деревянными домами, где жили небогатые отставные чиновники, купцы, мещане. На набережной Малой Невки, а также на Каменном и Елагином островах, строились загородные дома аристократов.

В последней по счету, Выборгской, части проходила всего одна замощенная улица, идущая вдоль берега. Здесь все еще было много загородных домов с садами. Среди них – летний дворец графа Безбородко, дома и сады Бакунина, Синявина и Собакина. Ниже по течению

Невки начинался промышленный район: канатная фабрика, Артиллерийская лаборатория, Городская верфь, где строились торговые суда, казенная пивоварня, сахарная фабрика, ситцевая фабрика. В районе Черной речки набережная снова становилась фешенебельной, здесь находилась дача графа Строганова, построенная Андреем Воронихиным. Ее окружал прекрасный сад, часть которого была общедоступной, по воскресеньям там устраивали музыкальные концерты и танцы. У места впадения Черной речки в Большую Невку находилась деревянная дача князя Голицына, также с большим садом.

Как мы видим, город все больше становился не только военным, портовым, не только городом моряков и кораблестроителей, но также промышленным, торговым, а главное – административным центром. Петровские 12 коллегий после реформ Екатерины во многом утратили свое значение. Власть из их рук перешла на места, в руки губернских учреждений. Из коллегий продолжали действовать только Адмиралтейская, Военная, Иностранных дел, Медицинская и Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и Финляндских дел. Изменения претерпел и Правительствующий сенат – еще одно государственное учреждение, созданное по указу Петра Великого. Екатерина в 1763 году разделила Сенат на шесть департаментов: четыре из них размещались в Санкт-Петербурге и два – в Москве. Росло число департаментов, министерств и ведомств, росла армия чиновников. Город становился центром власти, которая множеством подданных Российской империи воспринималась как несправедливая, бесчеловечная, власть мздоимцев, продажных судей и чиновников. И все чаще люди пытались выразить этой власти свой протест.

«В душе его есть нечто величавое...»

«Честный человек не закону повинуетя, не рассуждению следует, не примерам подражает; в душе его есть нечто величавое, влекущее его мыслить и действовать благородно. Он кажется сам себе законодателем. В нем нет робости, подавляющей в слабых душах самую добродетель. Он никогда не бывает орудием порока. Он в своей добродетели сам на себя твердо полагается», – так писал Фонвизин.

Кажется, что эти строки написаны об Александре Николаевиче Радищеве, которого мы знаем как смелого обличителя крепостничества.

А. Н. Радищев

«Если мысленно перенесемся мы к 1791 году, если вспомним тогдашние политические обстоятельства, если представим себе силу нашего правительства, наши законы, не изменившиеся со времен Петра I, их строгость, в то время еще не смягченную двадцатипятилетним царствованием Александра, самодержца, умевшего уважать человечество; если подумаем, какие суровые люди окружали еще престол Екатерины, – то преступление Радищева покажется нам действием сумасшедшего. Мелкий чиновник, человек безо всякой власти, безо всякой опоры, дерзает вооружиться противу общего порядка, противу самодержавия, противу Екатерины!» – а вот это уже совершенно точно о Радищеве. Это отрывок из статьи Пушкина, посвященной ему.

Но если вам покажется, что Пушкин восхищается смелостью этого человека, то вы ошибетесь! Далее Александр Сергеевич пишет: «Мы никогда не почитали Радищева великим человеком. Поступок его всегда казался нам преступлением, ничем не извиняемым, а „Путешествие в Москву“ весьма посредственной книгой; но со всем тем не можем в нем не признать преступника с духом необыкновенным; политического фанатика, заблуждающегося конечно, но действующего с удивительным самоотвержением и с какой-то рыцарскою совестливостью».

Получается своего рода террорист от литературы. Но в следующем абзаце статьи мы находим новую оценку: «Как бы то ни было, книга его, сначала не замеченная, вероятно, потому, что первые страницы чрезвычайно скучны и утомительны, вскоре произвела шум. Она дошла до государыни. Екатерина сильно была поражена. Несколько дней сряду читала она эти горькие, возмутительные сатиры. „Он мартинист, – говорила она Храповицкому (см. его записки), – он хуже Пугачева; он хвалит Франклина“. – Слово глубоко замечательное: монархия, стремившаяся к соединению воедино всех разнородных частей государства, не могла равнодушно видеть отторжение колоний от владычества Англии. Радищев предан был суду. Сенат осудил его на смерть (см. Полное собрание законов). Государыня смягчила приговор. Преступника лишили чинов и дворянства и в оковах сослали в Сибирь».

Итак, скучная и посредственная книга, автора которой тем не менее сослали в Сибирь, причем вовсе не за то, что он плохо писал. Что же крамольного нашла в ней Екатерина, которая, как мы уже знаем, открыто заигрывала с либералами и либеральными идеями, в этом небольшом томике?

* * *

Радищев вырос в богатой помещичьей семье, в сельце Немцово Боровского уезда Калужской губернии. Его отец – просвещенный барин, человеколюбивый и справедливый по отношению к своим крепостным. Легенда гласит, что крестьяне отплатили ему добром, спасая семью Радищевых во время Пугачевского бунта.

Мальчик учился в Москве, в Пажеском корпусе, затем изучал юриспруденцию в Лейпцигском университете. Однако юноша увлекся историей, естественными науками и медициной. По возвращении на родину его определили в Сенат протоколистом. Позже он служил военным прокурором в штабе генерала Брюса, а в 26 лет вышел в отставку и женился на Анне Васильевне Рубановской, сестре его товарища по Лейпцигскому университету. Молодожены поселились на Грязной улице в доме № 24 (ныне – улица Марата; дом до наших дней не сохранился, на его месте в начале XX в. построили доходный дом). Такое название улице дали за то, что она была немощеной и после весенних и осенних дождей ее покрытие превращалось в глубокую грязь. Это имя так прижилось, что совсем забылось другое название – Преображенская полковая улица (по градостроительным планам того времени улица

должна была заканчиваться у казарм Преображенского полка в районе Таврического дворца, но планы изменили, и название быстро забылось).

Позже Радищев поступил на службу в Коммерц-коллегию, ведавшую торговлей и промышленностью. С 1780 года он работал в Петербургской таможне, дослужившись к 1790-му до должности ее начальника. В семье было четверо детей: три сына – Василий, Николай и Павел, и дочь Екатерина. При рождении младшего сына, Павла, в 1783 году Анна Васильевна умерла.

В 1771 году, вскоре после возвращения нашего героя из-за границы, в журнале Новикова «Живописец» опубликовали анонимный отрывок из «Путешествия в*** И*** Т***», в котором автор открывал читателям ужасную картину крепостничества, казавшуюся дикой не только для Европы, но и для просвещенной русской столицы. Позже многими было доказано, что «Отрывок» написан Радищевым. В 1780-х годах Радищев работал над «Путешествием из Петербурга в Москву». Одновременно он публикует статьи в журнале с «говорящим» названием «Беседующий гражданин». В 1789 году он покупает оборудование для домашней типографии и в мае следующего года начинает печатать свое «Путешествие». Одновременно он занят организацией городского ополчения, так как Петербургу угрожают со стороны Балтийского моря шведские войска. Шведская интервенция так и не состоялась, а вот книга благополучно вышла в свет и наделала шума. Ее популярности немало способствовали известия об аресте автора. Дело было в том, что среди ополченцев оказалось немало беглых крестьян. Об этом донесли Екатерине. 30 июня 1790 года Радищева арестовали. Вскоре императрице стало известно, что он действовал не один, а вместе с так называемым Обществом друзей словесных наук, объединившим молодых литераторов, чиновников и (что было гораздо опаснее) офицеров – главным образом моряков.

10 июля Екатерина приказала Брюсу «беглых помещечьих людей» из ополчения отдать тем помещикам, которые захотят, а остальных поверстать в обычные рекруты.

Екатерина назвала Радищева «бунтовщиком, хуже Пугачева». Ее экземпляр «Путешествия» (императрица достала книгу и прочитала ее) пестрит пометками: «Сочинитель ко злости склонен», «81 стр. покрыта бранью и ругательством и злодейским толкованием», «Учинены вопросы те, по которым теперь Франция разоряется», «Стр. 113, 114, 115, 116 доказывают, что сочинитель, совершенной деист и несходственны православному восточному учению»; «Стр. 119 и следующие служат сочинителю к произведению его намерения, то есть показать недостаток теперешнего правления и пороки оно», «Противу двора и придворных ищет изливать свою злобу», «На стр. 137 изливается яд французской», «На 147 стр. едет оплакивать плачевную судьбу крестьянского состояния, хотя и то неоспоримо, что лучшая судьбы наших крестьян у хорошего помещика нет по всей вселенной», «Христианское учение сочинителем мало почитаемо, а вместо оно принял некие умствования, несходственные закону христианскому и гражданскому установлению», «Стр. 239–252 – все сие... клонится к возмущению крестьян противу помещиков, войск противу начальства», «Проскакивают паки слова, клонящиеся к возмущению», «Уговаривает помещиков освободить крестьян, да никто не послушает», «Сочинитель везде ищет случай придраться к царю и власти», «Сочинитель не любит царей и где может к ним убавить любовь и почитание, тут жадно прицепляется с редкою смелостью», «Надежду полагает на бунт от мужиков», об оде «Вольность» – «Ода совершенно и явно бунтовская, где царям грозит плахю. Кромвелев пример приведен с похвалами. Сии страницы криминального намерения, совершенно бунтовские», «Повесть о рекрутском наборе, о отягченных крестьянах и тому подобное, служащее к проведению вольности и к искоренению помещиков», «Тут вмещена хвала Мирабо, который не единой, но многия висельницы достоин» и т. д. В конце своих замечаний на «Путешествие» Екатерина написала: «Вероподобие оказывается, что он себя определил быть начальником, книгою ли или инако исторгнуть скиптр из рук царей, но, как сие исполнить один не мог,

показываются уже следы, что несколько сообщников имел: то надлежит его допросить как о сем, так и о подлинном намерении, и сказать ему, чтоб он написал сам, как он говорит, что правду любит, как дело было; ежели же не напишет правду, тогда принудит мне сыскать доказательство и дело его делается труднее прежнего».

Уголовная палата признала Радищева виновным в том, что он издал книгу, «наполненную самыми вредными умствованиями, разрушающими покой общественный и умаляющими должное ко властям уважение, стремящимися к тому, чтобы произвести в народе негодование противу начальников и начальства и, наконец, оскорбительными, неистовыми изращениями противу сана и власти царской», и применила к Радищеву статьи Уложения о «покушении на государево здоровье», о «заговорах и измене» и приговорила его к смертной казни. Приговор, переданный в Сенат и затем в Совет при Высочайшем дворе, был утвержден в обеих инстанциях и представлен Екатерине. Теперь судьба писателя зависела от воли другой любительницы социальной критики, которая тем не менее отнюдь не питала к коллеге теплых чувств.

* * *

«Путешествие из Петербурга в Москву» все же не оставило Пушкина равнодушным. В последнем абзаце своей статьи он говорит о том, какой должны была бы стать эта книга: «Невежественное презрение ко всему прошедшему, слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему, – вот что мы видим в Радищеве. Он как будто старается раздражить верховную власть своим горьким злоречием; не лучше ли было бы указать на благо, которое она в состоянии сотворить? Он поносит власть господ как явное беззаконие; не лучше ли было представить правительству и умным помещикам способы к постепенному улучшению состояния крестьян; он злится на цензуру; не лучше ли было потолковать о правилах, коими должен руководствоваться законодатель, дабы с одной стороны сословие писателей не было притеснено и мысль, священный дар Божий, не была рабой и жертвою бессмысленной и своенравной управы, а с другой – чтоб писатель не употреблял сего божественного орудия к достижению цели низкой или преступной? Но все это было бы просто полезно и не произвело бы ни шума, ни соблазна, ибо само правительство не только не пренебрегало писателями и их не притесняло, но еще требовало их соучастия, вызывало на деятельность, вслушивалось в их суждения, принимало их советы – чувствовало нужду в содействии людей просвещенных и мыслящих, не пугаясь их смелости и не оскорбляясь их искренностью. Какую цель имел Радищев? Чего именно желал он? На сии вопросы вряд ли бы мог он сам отвечать удовлетворительно. Влияние его было ничтожно. Все прочли его книгу и забыли ее, несмотря на то что в ней есть несколько благоразумных мыслей, несколько благонамеренных предположений, которые не имели никакой нужды быть облечены в бранчивые и напыщенные выражения и незаконно тиснуты в станках тайной типографии, с примесью пошлого и преступного пустословия. Они принесли бы истинную пользу, будучи представлены с большей искренностию и благоволением; ибо нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви». Нарисованный Пушкиным образ улучшенной книги Радищева очень напоминает то небольшое, что нам известно о втором, уничтоженном, томе «Мертвых душ» Гоголя или его же «Избранных мест из переписки с друзьями». Александр Сергеевич даже начал писать в Болдине большую статью под симметричным названием «Путешествие из Москвы в Петербург», полемизирующую с книгой Радищева, но она так и не была закончена.

Но мы не станем здесь рассуждать, был ли прав Радищев в своем обличительном пафосе – об этом уже написано множество статей и книг, как в XIX, так и в XX веке. Нас

интересует совсем другой, гораздо более частный вопрос – каким видит Радищев Петербург и его ближайшие окрестности в самом конце XVIII века.

София

«Отужинав с моими друзьями, я лег в кибитку. Ямщик по обыкновению своему поскакал во всю лошадиную мочь, и в несколько минут я был уже за городом» – так звучит одна из первых фраз книги.

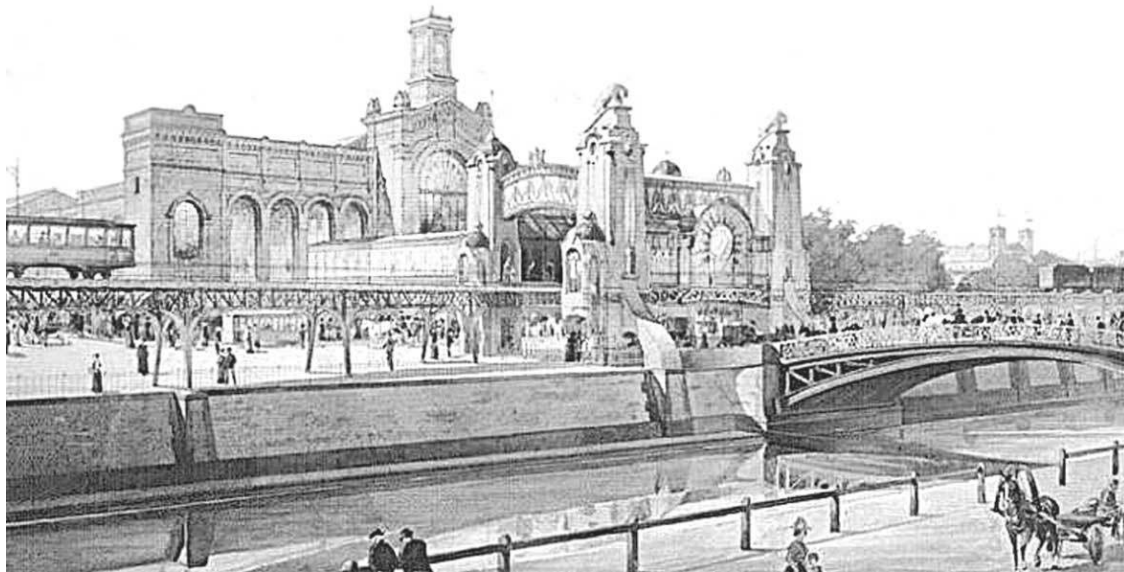
Кибитка, в которой путешествует наш герой, – это, собственно, повозка, или сани, полузакрытые рогожным или кожаным верхом, натянутым на дуги из прутьев. Сидений в ней нет, наш герой едет лежа и под песню ямщика и перезвон бубенчиков под дугой быстро засыпает.

Где он начал свой путь, мы не знаем, но можем предположить, что-либо из «знатнейшей», как говорили тогда, части города, которая, как нам уже известно, в XVIII веке находилась на участке между Невой, Мойкой и Фонтанкой, либо из своего дома на Грязной улице, располагавшейся между Фонтанкой и Лиговским каналом. Граница города в то время проходила по «Лиговскому каналу и городскому рву» – будущему Обводному каналу.

Лиговский канал выкопали в 1718–1721 годах по проекту Г. Г. Скорнякова-Писарева. Он снабжал город питьевой водой и питал фонтаны Летнего сада. Канал начинался на юго-западе, у реки Лиги (ныне – река Дудергофка), и заканчивался искусственным бассейном на углу современной улицы Некрасова (бывшая Бассейная улица) и Греческого проспекта. Канал был засыпан только в конце XIX века.

Обводный канал прорыли в 1769–1780 годах по проекту инженера Л. Л. Карбонье, между рекой Екатерингофкой и Лиговским каналом. Со стороны города он был укреплен валом. В тревожные времена, например во время холерного бунта 1831 года, эти каналы становились естественной границей города: там выставляли кордоны и никого не пропускали. Но сейчас угрозы холеры нет, и наш герой минует канал беспрепятственно, проезжая через него по понтонным мостам.

Дорогу в начале XVIII века преграждали три шлагбаума, или «рогатки». Первая «рогатка» находилась в районе, где позже будут возведены Московские ворота, подле Лиговского канала, вторая (средняя) – на месте нынешней Площади Победы и третья – на прудовой мельничной плотине под Пулковской горой. Ставили их в петровское время для «препятствия проходу злонамеренных людей»: то есть беглых солдат и крепостных, извозчиков, нарушавших царский указ о привозе на каждой подводе трех камней для мощения петербургских улиц, и горожан, которые хотели покинуть город без разрешения. Но во времена Екатерины от этих шлагбаумов осталось лишь одно название «Средняя рогатка». Поблизости от нее располагался уже знакомый нам дворец Кикерики.

Обводный канал

Рядом со Средней рогаткой располагался столб с изображением четырех рук, указывавших на Петербург, Царское Село, Москву и Петергоф (или на Рижскую дорогу, проходившую через Петергоф). Кибитка сворачивает на Перспективную дорогу в Саарскую мызу, проходившую по современным Московскому проспекту, Пулковскому шоссе, Петербургскому шоссе и Дворцовой улице в Царском Селе. Этот путь немного длиннее, но в лучшем состоянии, чем прямая дорога на Москву, – царкосельскую дорогу замостили только 30 лет назад, в 1751–1754 годах, и чинили покрытие в 1787 году. Тогда дорогу расширили, по обеим сторонам проложили осушительные каналы. Проезжую часть засыпали песком, а затем мелким булыжником величиной с куриное яйцо, по сторонам обложили «насыпь» кирпичом и снова покрыли толстым слоем чистого песка. Однако простым смертным ездить по этой роскошной дороге не разрешалось. Они пользовались проходившей западнее «обывательской» дорогой. Тем не менее она тоже была высоко насыпана, выровнена и засыпана щебнем – «оттесками дикого камня, растолченными до величины куриного яйца», а по обеим ее сторонам тянулись вымощенные каналы. На починку дорог Екатерина отводила в год 2705 рублей.

* * *

И все же на дороге попадаются рытвины, кибитку встряхивает, и герой просыпается. «Приподнял я голову. Вижу, на пустом месте стоит дом в три жилья.

– Что такое? спрашивал я у поводи́ка моего.

– Почтовой двор.

– Да где мы?

– В Софии».

Вы, может быть, задаетесь вопросом: «Что это за София, и как наш герой попал туда, если ехал в Царское село? Уж не завезла ли его, сонного, кибитка ненароком... в столицу Болгарии?».

София – эфемерное поселение, существовавшее на карте и в документах Российской империи ровно 28 лет. Уездный город с таким названием появился в 1780 году, согласно указу Екатерины II, а в 1808 году, по указу ее внука Александра I, прекратил свое существование как самостоятельная административная единица и стал частью вновь учрежденного города Царское Село.

Императрица давно мечтала освободить древнюю византийскую столицу Константинополь от турок и, возможно, присоединить ее к России. Для этого она отправляла в Греческий архипелаг специальную военную Архипелагскую экспедицию, которая должна была провести разведку и захватить несколько греческих островов. Готовясь к «освоению» новых земель, она назвала своего второго внука Константином и дала ему няню-гречанку, чтобы он с детства говорил по-гречески. Она переписывалась с европейскими государями в надежде создать коалицию против Турции. И, словно в предвестие «греческого проекта», она решила наречь новый уездный город рядом с дворцом Софией – в честь знаменитого храма Святой Софии в Константинополе.

Город был образован из стремительно разрастающейся слободы, в которой жили люди, работавшие в Царском Селе, превращавшемся из скромной охотничьей мызы в парадную резиденцию.

Еще до официального признания города здесь в 1771 году построили деревянную Царево-Константиновскую церковь. Рядом с церковью ежегодно проводилась Царево-Константиновская ярмарка.

Проект нового города создал шотландский архитектор Чарльз Камерон, немало работавший в Царском Селе. София имела форму неправильной трапеции и была ограничена с трех сторон дорогами – Гатчинской, или Порховской (ныне – Красносельское шоссе), Новгородской (Кадетский бульвар), Московским трактом (Парковая улица), с четвертой обнесена валом и рвом (трасса Сапёрной улицы). За валом располагался обширный выгон для скота, огороженный с другой стороны еще одним валом и рвом. В эти границы перенесли строения старой дворцовой слободы и переселили ее жителей. Парадный вид на город должен был открываться с Камероновой галереи и радовать взор императрицы.

Внутри кварталов, образованных пересекавшими город четырьмя продольными (Садовой, Константиновской, Средней и Задней по валу) и семью поперечными (Почтовой, Чугунной, Владимирской, Славянской, Первой Софийской и Адмиралтейской) улицами стояли типовые деревянные и каменные одноэтажные дома со службами. Рядом разбили сады и огороды. В составленном в 1783 году неизвестным автором «Описании Софии» читаем: «... а овощи... жительствовавшие в имеющих у них при дворах огородах сажают и сеют, как-то: капусту, свеклу, огурцы, морковь, редьку, петрушку, пастернак и прочие, иные же разводят и сады в рассуждение плодovitости земли».

На главной площади 30 июля 1782 года по проекту Камерона заложили Софийский собор. На площадь также выходило бывшее здание каменного дворцового скотного двора, перестроенное в Присутственные места. Там должны были располагаться Земский суд, городской магистрат, Сиротский суд, канцелярии городничего, дворянской опеки, уездного казначейства и соляная лавка. В 1786 году в Софии образована Городская дума, а через три года создали Городовую ратушу. Вдоль границы царкосельского сада начали возводить каменные здания. На Почтовой дороге (ныне – Парковая улица) построили трехэтажный каменный дворец для юного фаворита Екатерины II А. Д. Ланского.

Софийский собор (Царское Село)

7 мая 1780 года императрица Екатерина II утвердила герб Софии, который выглядел так: «На пурпуровом поле двуглавый черный орел, имеющий на груди в голубом поле серебряный крест, окружённый землей, в одной лапе держит якорь, в другой светильник».

* * *

Европейские монархи не поддерживали энтузиазм Екатерины. Английские, а затем и французские газеты публиковали карикатуры, высмеивавшие амбиции императрицы. На одной из них, озаглавленной «Имперский шаг Екатерины», императрица стояла одной ногой на «русском берегу», а другой дотягивалась до мусульманского полумесяца на шпилье Софийского собора, и оказавшиеся у нее под юбками лидеры европейских государств обменивались следующими ехидными комментариями.

Венецианский дож: «Как далеко может быть распространена Власть».

Папа Римский: «Никогда этого не забуду...».

Король Испании: «Клянусь святым Иаковом, я лишу ее меха!».

Король Франции Людовик XVI: «Никогда не видел ничего подобного».

Король Англии Георг III: «Что-что-что?! Какая чудовищная экспансия!».

Император Австрии Леопольд II: «Прекрасное возвышение...».

Султан Селим III: «Вся турецкая армия не сможет удовлетворить ее...».

Но Екатерина и сама признавала, что ее мечты, скорее всего, останутся только мечтами. Своей подруге она писала, что получить Константинополь – это все равно что «ухватить Луну зубами». «Греческий проект» так и остался проектом, а София – памятником смелым, амбициозным, но так и не реализованным планом.

* * *

Почтовая станция, где наш Путешественник меняет лошадей, находилась напротив Гатчинских (Орловских) ворот. Это здание, а точнее, целый комплекс зданий с обширным внутренним двором, конюшнями на 50 лошадей, каретными сараями, кладовыми, помещением для почтмейстера, являлось одним из самых значительных на всем тракте.

Путешественник приезжает в Софию ночью, бранится с «почтенным комисаром», то есть со станционным смотрителем, который не хочет давать ему лошадей. Наконец, не без труда добившись того, что лошадей («правду сказать, кости у них были видны») запрягают, и уезжает в темноте, не удостоив ни единым взглядом красоты Софии (шальная мысль: может, именно это особенно уязвило Екатерину?). Но как бы там ни было, а странник снова в пути.

Тосно – Любань

За Царским Селом дорога постепенно портится. Радищев замечает: «Поехавши из Петербурга, я воображал себе, что дорога была наилучшая. Таковою ее почитали все те, которые ездили по ней в след Государя. Такова она была действительно, но на малое время. Земля, насыпанная на дороге, сделав ее гладкою в сухое время, дождями разжиженная, произвела великую грязь среди лета, и сделала ее не проходимую». На пути нашего героя лежит Тосненская ямская слобода, перенесенная сюда в 1714-м, еще при Петре I. Во времена Радищева Тосно – или, как произносили тогда, Тосна – становится самым крупным населенным пунктом и почтовой станцией на Московском тракте. Здесь также делают кирпичи, ломают известняк. Поселок назван по протекающей здесь реке Тосне – притоку Невы, название которой, как предполагают местные жители, происходит из древнеславянского языка и родственно словам «тесное место», «теснина».

Добравшись с грехом пополам до почтовой станции и войдя в «почтовую избу», герой Радищева видит проезжающего, который, сидя за столом, разбирает бумаги и ворчит, что ему не дают лошадей. (Мы уже поняли, что эту жалобу придется слушать на каждой почтовой станции.) Наш Путешественник присаживается к столу и знакомится с собратом по несчастью. Этот невзрачный чиновник служит регистратором при разрядном архиве – то есть занимается учетом родословных боярских и дворянских документов. Регистратор обращается к Путешественнику «Ваше высокородие, благородие или высокоблагородие!», так как не знает, к какому разряду принадлежит встреченный им чиновник. Дело в том, что петровская «Табель о рангах» подразделяла всех чиновников на четырнадцать классов, и разным классам подобало особое обращение. «Высокородиями» звали статских советников (V класс), «высокоблагородиями» – чиновников VI, VII и VIII классов (коллежский советник, надворный советник, коллежский асессор), а просто «благородиями» – чиновников с IX класса и ниже, то есть титулярных советников, коллежских секретарей, губернских секретарей и коллежских регистраторов. Кстати говоря, «благородиям» полагалось только личное, но не наследственное дворянство.

Путешественник и регистратор беседуют о старинных родах, о реформе старшего брата Петра, юного государя Федора Алексеевича, который был ему братом отнюдь не только по крови, но и по образу мысли. Пролетарствовав всего несколько лет, он тем не менее успел провести важные реформы по «модернизации» страны, причем одной из важнейших была отмена местничества, которую как раз и обсуждают наши герои. Местничество – преимущественное право наиболее знатных боярских родов на замещение государственных должностей, которое позволяло немногочисленным боярским семьям контролировать государя. Сам Иван Грозный просил (именно просил!) своих бояр не местничать во время боевых действий, но если те не хотели отказаться от своих привилегий, царь ничего не мог с этим поделать. Бояре продолжали «местничать» – то есть бастовать, не выполняя приказы государя под тем предлогом, что их род обошли в чинах, и, по сути, развязывали маленькие гражданские войны. Царь же Федор отменил местничество во время войны Руси с Османской империей под тем предлогом, что такое поведение «лучших людей государства» недопустимо в военное время, а, кроме того, «местничество благословенной любви вредительно, мира и братского соединения искоренительно». С этими словами царь Федор приказал сжечь «разрядные книги», в которых были указаны статусы и привилегии боярских родов, а вместо них создал новые книги. В них были вписаны служилые, люди разделенные на шесть разрядов и чины. Таким образом, Федор создал «черновой вариант» «Табели о рангах».

Регистратор осуждает Федора и Петра, говоря: «Известно вам, сколько блаженных памяти благоверный Царь Федор Алексеевич Российское дворянство обидел, уничтожив

местничество. Сие строгое законоположение поставило многия честныя Княжеския и Царския роды наравне с Новгородским дворянством (т. е. с людьми, ведущими свой род лишь с момента подчинения Новгорода Иваном Грозным. – *Е. П.*). Но благоверный же Государь Император Петр Великий совсем привел их в затмение своею табелью о рангах. Открыл он путь чрез службу военную и гражданскую всем, к приобретению дворянского титула, и древнее дворянство, так сказать, затоптал в грязь».

Но старый регистратор нашел способ справиться с этой напастью. Он написал книгу, с помощью которой всякий дворянин сможет установить древность своего рода, получить от Государыни титул маркиза. В Москве у него не получилось издать ее и продать, и теперь он хочет попытать счастья в Петербурге. «Я понял его мысль, – рассказывает Путешественник, – вынул из кошелька... и дав ему, советовал, что, приехав в Петербург, он продал бы бумагу свою на вес разнощикам для обертки; ибо мнимое Маркизство скружить может многим голову, и он причиною будет возрождению изстребленного в России зла, хвастовства древния породы».

* * *

В Любани нашего Путешественника ждет совсем другая встреча.

«Для сохранения боков моих пошел я пешком, – рассказывает он. – В нескольких шагах от дороги увидел я пашущаго ниву крестьянина. Время было жаркое. Посмотрел я на часы. Перваго сорок минут. Я выехал в субботу. Сегодня праздник. Пашущей крестьянин принадлежит, конечно, помещику, которой оброку с него не берет. Крестьянин пашет с великим тщанием. Нива, конечно, не господская». Крестьянин всю неделю работал на барщине и теперь вынужден в воскресный день обрабатывать свою землю. Он работает на своем поле также и по ночам, потому что должен кормить «семь ртов» – жену и шесть малолетних детей. «То ли житье нашему брату, как где барин оброк берет с крестьянина, да еще без прикащика, – говорит крестьянин. Правда, что иногда и добрые господа берут более трех рублей с души; но все лучше барщины».

Тридцать лет спустя эта тема будет все так же актуальна. Мы помним, что Онегин, «глубокий эконо́м» и просвещенный человек, приехав в свою деревню...

В своей глуши мудрец пустынный,
Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил.
Зато в углу своем надулся,
Увидя в этом страшный вред,
Его расчетливый сосед;
Другой лукаво улыбнулся,
И в голос все решили так,
Что он опаснейший чужак.

Задумавшись над тяжелым положением крестьян, наш Путешественник восклицает: «Страшись помещик жестокосердый, на челе каждого из твоих крестьян вижу твое осуждение».

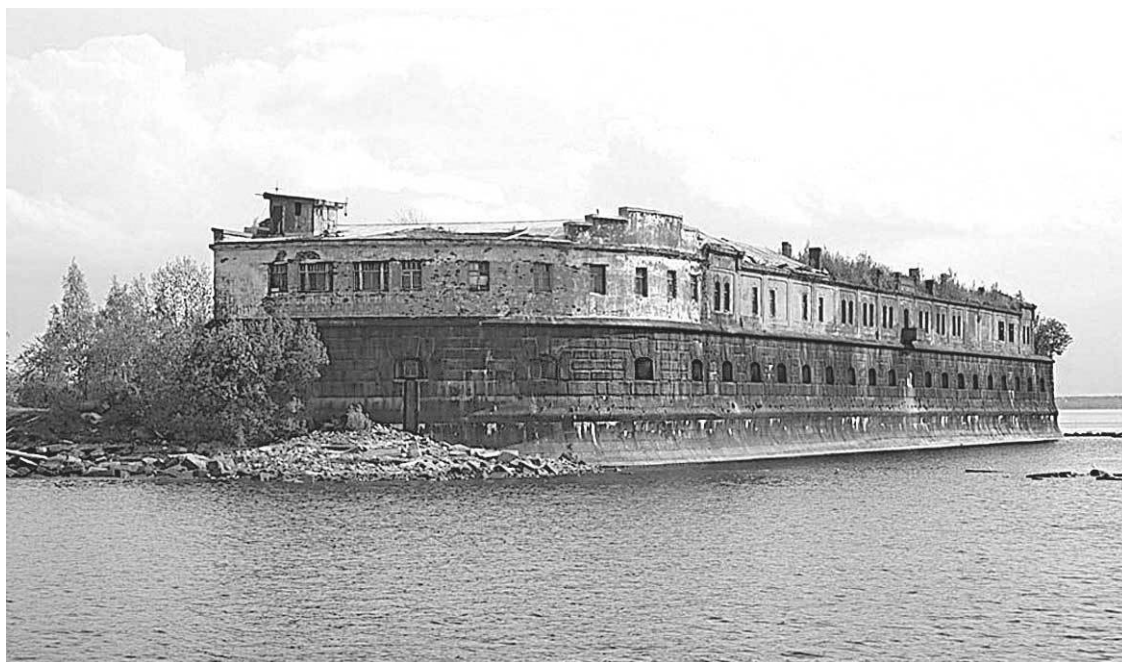
Деревня, в которой происходит этот разговор, была известна еще по писцовой книге Водской пятины в XVI веке. Свое название (Радищев использует древнюю его форму «Любани») она получила от луба – гибкой внутренней части коры липы, из которой удобно было плести лапти и корзины. Вероятно, в Любани занимались лубяным промыслом. Здесь

шоссе сближалось с водным путем (река Тигода в то время была судоходной, и при Петре I в 1711 году по ней через Любань проложили судоходный торговый путь, связывающий по диагонали Волхов с Балтикой), а потому место было бойким. Но потом река обмелела, на ней появилась множество неудобных волоков, и Любань стала обычным селом. Ее популярность снова возросла лишь в середине XIX века, когда Любань оказалась популярным местом отдыха петербургских дачников. Никаких архитектурных памятников, относящихся к XVIII веку, на территории Любани не сохранилось.

Чудово – Спасская Полесь

Кибитка въезжает в Чудово. Это селение также упоминается в писцовой книге Водской пятины со второй трети XVII века. В связи с развитием ямского промысла на почтовом тракте деревня Чудово превратилась в Чудовский ям на дороге от Москвы до Санкт-Петербурга. Слово «ям» – однокоренное со словом «ямщик», пришедшее из тюркских языков, обозначает собственно почтовую станцию, где содержали разгонных ямских лошадей, а также иногда поселение, окружающее ее. Позже это село прославится тем, что рядом с ним купит охотничий домик Некрасов и будет жить Глеб Успенский. А пока нашего Путешественника интересует только почтовая станция.

Там он неожиданно встречает своего приятеля Ч... (подразумевается еще один друг Радищева по Лейпцигу – Петр Иванович Челищев). Он рассказывает Путешественнику о своей опасной поездке в Кронштадт и на Систербек (Сестрорецк), где еще со времен Петра работал оружейный завод, выпускавший не только пистолеты, мушкеты и пушки, но и петли, ручки для дверей, медные пуговицы, а еще чугунные решетки для петербургских набережных. Он отправился туда любопытства ради. «В Кронштате прожил я два дни с великим удовольствием, насыщая зрением множества иностранных кораблей, каменной одежды крепости Кронштатской, и строений стремительно возвышающихся. Любопытствовал посмотреть новаго Кронштату плана, и с удовольствием предусматривал красоту намеряемого строения», – рассказывает Челищев.

Форт Кроншлот у о. Котлин

В XVIII и XIX веках Кронштадт – настоящие морские ворота города. Именно сюда приходили разгружаться иностранные суда. Крепость на острове Котлин относится к первым петровским постройкам, обеспечивавшим городу безопасность с моря. Как военная крепость Кронштадт продолжал исправно служить и в XIX веке. Когда во время Крымской войны к Петербургу подошла английская эскадра, она не осмелилась подойти к линии фортов. А в мирное время в Кронштадт отправлялись все, кто хотел вдохнуть морской воздух,

удовлетворить любопытство, встретить друга, вернувшегося из дальних странствий, или сам отправиться в путешествие.

Порт в Кронштадте. Современное фото

О каких «планах нового Кронштата» говорит герой повести? Еще при Елизавете, в 1752 году в Кронштадте открыли первый каменный док в России, который назвали именем Петра Великого. 23 июля 1764 года в Кронштадте вспыхнул страшный пожар. После него город восстанавливался по генеральному плану, составленному архитектором С. И. Чевакинским. А в 1783 году огонь спалил Адмиралтейскую часть Петербурга, после чего было принято решение о перенесении Адмиралтейства в Кронштадт. Здесь построили комплекс зданий Кронштадтского адмиралтейства, отделенный от остальной городской застройки рвом, по проектам архитекторов М. Н. Ветошникова, В. И. Баженова и Ч. Камерона, а также множество флотских каменных «магазинных»-складов, литейный, сухарный, пеньково-прядильный заводы и мастерские для снаряжения кораблей. Позже Павел I отменил решение о переносе Адмиралтейства, но Кронштадтское адмиралтейство уже достроили. Вот как описывает Кронштадт в 1794 году И. Г. Георги: «Город занимает наиболее к востоку находящуюся часть острова, велик, с множеством хороших домов, церквами, публичными зданиями; но ради великого числа малых домов, пустых мест, немощеных, часто грязных улиц и прочего не имеет хорошего вида. Оный многолюден и имеет также Немецкую и Английскую церковь, содержит не более 204 записанных мещан; прочие жители принадлежат по большей части к флотскому штату, к таможене, и многие суть не постоянные и на время токмо поселившиеся жители.

Военный порт по заложению и нынешнему состоянию одного чрезвычайно достопамятен и удовлетворяет всех великом числа для осматривания сюда приходящих чужих. Он болверками и т. п. укреплен и содержит славный канал Петра Великого и корабельные доки... При устье канала находятся две пирамиды с надписями на сие великое творение... Подле канала находятся доки, в коих 10 и более кораблей вдруг починивать можно. Для впускания и выпуска кораблей имеются при оных шлюзы. Вытягивание воды вокруг поставленных кораблей производится с помощью насосов, приводимых ветром в движение... Высосанная вода стекает в большой, плитами выложенный, водоем».

Далее Георги описывает способ сообщения Кронштадта с «материком»: «Торговля причиняет частые переезды из Санкт-Петербурга в Кронштадт и обратно, не токмо во время лета, но даже и зимой. Летом ездят туда не токмо шлюпки, боты и другие суда, но отправляется также ежедневно почта в Ораниенбаум и оттуда, где пользуется переездом по воде в 7 верст. Как скоро осенью лед станет, то назначается на заливе еловыми кустами весьма широкая дорога в Кронштадт и обратно; также строятся из досок в 8 верстах от Санкт-Петербурга и в 8 же верстах от Кронштадта питейные дома, отчасти дабы путешествующих напитками согреть, но еще более дабы оные во время ненастной погоды и темноты могли иметь место, где бы ожидать свету и лучшей погоды».

А тем временем Челищева ждут новые приключения и испытания. Несмотря на то что он путешествует не в зимнее время, ему не удастся беспрепятственно добраться до берега. Погода портится, поднимается ветер. Начинается буря. «Сильное стремление валов отнимало у кормила направление, и порывистый ветер, то вознося нас на мокрые хребты, то низвергая в утесистыя рытвины водяных зыбей, отнимало у гребущих силу шестственного движения. Следуя по неволе направлению ветра, мы носились на удачу. Тогда и берега начали бояться; тогда и то, что бы нас при благополучном плавании утешать могло, начинало приводить в отчаяние. Природа завистливою нам на сей час казалась, и мы на нее негодовали теперь за то, что не разпростирала ужасного своего величества, сверкая в молнии и слух тревожа громовым треском. Но надежда, преследуя человека до крайности, нас укрепляла, и мы елико нам возможно было ободряли друг друга». Внезапно шлюпка остановилась прямо посреди залива. Сколько ни пытались моряки сдвинуть ее с места, все было тщетно. Когда рассвело, они увидели, что их судно село на камни. «Судно наше стояло на середине гряды каменной, замыкающей залив, до С... (вероятно, Сестрорецка. — Е. П.) простирающийся. Мы находились от берега на полторы версты. Вода начинала проходить в судно наше со всех сторон и угрожала нам совершенным потоплением». Капитан шлюпки с трудом добирается до берега по гряде камней и приводит лодки на помощь другим пострадавшим — картинка, кажущаяся дикой для постороннего взгляда, но вполне понятная для тех, кто хоть раз бывал в Маркизовой луже рядом с Сестрорецком.

* * *

Следующая деревня, в которую попадает наш Путешественник, называется Спасская Полесь. Спасская Полесь (или, как произносят сейчас, Спасская Полисть) — деревня, расположенная в 125 км к югу от Петербурга. Здесь протекает речка Полисть, название которой означает «зыбкое место, болото, трясина».

Застигнутый дождем, он просит ночлега в ближайшей избе и становится невольным слушателем разговора хозяев. Муж рассказывает своей любопытной жене «сказку» про некоего «государева наместника», который обожал «устерсов» (устриц). Обожал настолько, что посылал за ними на казенные деньги в Петербург, на Большую Морскую, специального курьера. «Куды какой Его Высокопревосходительство затейник, из за тысячи верст, шлет за какою дрянью. Только барин доброй. Рад ему служить. Вот устерсы теперь лиш с биржи. Скажи неменьше ста пятидесяти бочка, уступить нельзя, самим пришли дороги. Да мы с его милостию сочтемся. — Бочку взвалили в кибитку; поворота оглобли курьер уже опять скачет; успел лишь зайти в кабак и выпить два крючка сивухи». Просто возмутительное использование служебных средств в личных целях! Но что за «устерсы с биржи»? Что это за биржа?

Петербургский порт в XVIII и начале XIX века размещался на стрелке Васильевского острова. Здесь, вдоль Малой Невы, по проекту Трезини возвели Гостиный двор (построен в 1722–1735 гг., частично сохранился), а рядом, в бывших домах самых знатных семей петровского Петербурга — Апраксиных, Демидовых, Нарышкиных, Лопухиных с 1730-х годов раз-

местились портовая биржа, таможня и склады. Позже новое здание биржи в 1783–1789 годах начал строить Джакомо Кваренги, а закончил его в 1805–1810 годах французский архитектор Тома де Томон. Он же поставил на стрелке Васильевского острова две Ростральные колонны и создал силуэт, являющийся одним из символов Петербурга.

Биржа служила для торговли товарами, привезенными на кораблях. Уже в XIX веке Пушкин будет писать жене: «Вчера ездили с Карамзиным Невою на биржу есть устриц и слушать тысячи птиц, которые в клетках расставлены на несколько этажей. Кораблей, однако же, еще немного. То-то было бы тебе объедение на бирже: устрицы, сыры, разные сласти».

Далее наш герой держит путь на Новгород, а оттуда – в Москву.

Путешествие продолжается

В Москве заканчивается путь героя книги, но путешествие ее автора только начиналось. Екатерина заменила смертную казнь десятилетней ссылкой в Сибирь, в Илимский острог. Вскоре к ссыльному приехала младшая сестра его первой жены, Елизавета Васильевна Рубановская, вместе с его двумя младшими детьми (Екатериной и Павлом). Легенда гласит, что Елизавета Васильевна спасла Радищева еще в Петербурге: она заложила все свои украшения, передала через слугу деньги палачу, и, благодаря этой взятке, Радищева не пытали. В Сибири у Радищева и Елизаветы Васильевны родились трое детей: дочери Анна и Фекла и сын Афанасий. Елизавете Васильевне так и не довелось вернуться в столицу – в апреле 1797 года она простудилась в дороге и умерла в Тобольске.

При Александре I Радищев получил свободу и вернулся в Петербург. Либеральный царь назначил бывшего ссыльного членом Комиссии для составления законов. Радищев работал над конституционным проектом, озаглавленным «Всемилоостивейшая жалованная грамота». Он умер 12 (24) сентября 1802 года, в возрасте 53 лет. Обстоятельства его смерти неясны: одни называют причиной самоубийство, другие – несчастный случай.

Афанасий Александрович, сын Радищева от второго брака, прославился на всю Россию следующим образом: рассказывали, что однажды император Николай I собрал сведения через III отделение о распространении взяточничества среди губернаторов. Оказалось, что честных губернаторов только двое: Иван Иванович Фундуклей в Киеве и ковенский губернатор Афанасий Радищев. Царь, выслушав доклад, якобы сказал: «Что не берет взятки Фундуклей – это понятно, потому что он очень богат, ну а если не берет их Радищев, значит, он чересчур уж честен».

* * *

Почему так привлекательны для нас путешествия? Не только цель их – новые страны и чужие земли, новые впечатления и удивительные открытия, а сам процесс перемещения? Самолеты, поезда, шоссе или, как во времена Радищева, кибитки, кареты, брички, дормезы (старинная большая дорожная карета для длительного путешествия, устройство которой позволяло спать лежа в пути). Современный британский философ Алан де Боттон полагает, что часть их очарования – в переживаемом чувстве одиночества и внутренней сосредоточенности. В своей книге «Искусство путешествий» он пишет: «В придорожных забегаловках, круглосуточных кафе, гостиничных вестибюлях и вокзальных буфетах мы можем растворить наше одиночество в пустынности общественного пространства и вновь ощутить забытое чувство общности с другими людьми. Необжитость этих мест, их резкое освещение и непримечательная мебель могут принести нам облегчение после зачастую обманчивой защищенности домашнего уюта. Наверное, здесь легче предаться печали, чем среди обоев и семейных фото собственного дома – обманувшего наши надежды убежища».

Но герой Радищева путешествует не один. Читатель сопровождает его, автор постоянно обращается к нему. Это автор выдернул читателя из его «надежного убежища» и заставил пуститься в путь без цели, пережить «забытое чувство общности с другими людьми», так же страдающими, такими же бесприютными.

А еще в путешествии человека преследует подчас едва заметное, подчас властное чувство отстраненности и «остраненности», то есть изменения точки зрения, за счет которого привычные предметы начинают восприниматься как что-то новое, необычное и странное, требующее внимательного изучения.

Радищев ничего не знал об «остраненности» – этот термин будет придуман только в начале XX века Виктором Шкловским, но именно это и происходит в его тексте, благодаря чему он и приобретает ту обличительную силу, которая вызвала гнев Екатерины. Мы не знаем, кого покинул Путешественник в Петербурге, что ждет его в Москве, мы не знаем даже его имени. Мы лишь на короткое время стали его попутчиками, и персонажи книги, такие же анонимные, как рассказчик, ненадолго возникают перед нашими глазами. И их короткие обрывочные истории, нанизанные на полотно дороги, словно бусины на нить, являющиеся просто «частными случаями», складываются в единую картину, и эта картина пугала читателей и рассердила императрицу.

И тут я хотела бы привести еще одну цитату из книги Алена де Боттона, которая могла бы послужить отличным эпиграфом к книге Радищева, не будь она написана через двести с лишним лет после его смерти: «Дорога – повитуха размышлений. Мало какая обстановка больше способствует внутреннему диалогу, чем самолет, корабль или поезд в движении. Между тем, что мы видим перед собой, и тем, какие мысли могут прийти нам в голову в этот момент, есть некая причудливая связь: масштабные размышления зачастую требуют необъятных видов, новые идеи рождаются в новых для нас местах».

Не из книги ли Радищева берет начало в русской литературе тема жизни как дороги – утомительной и маятной, но все же неизбежной, потому что пока движешься – живешь. Книга Радищева кончается ликующим криком: «Москва! Москва!!!». Но строгий критик Радищева Пушкин знает, что прибытие – это лишь начало нового путешествия.

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил...
<...>
Иль чума меня подцепит,
Иль мороз окостенит,
Иль мне в лоб шлагбаум вlepит
Непроворный инвалид.

Иль в лесу под нож злодею
Попадуся в стороне,
Иль со скуки околею
Где-нибудь в карантине.
<...>
То ли дело рюмка рома,
Ночью сон, поутру чай;
То ли дело, братцы, дома!..
Ну, пошел же, погоняй!..

Глава 3. Город-сибарит. Петербург Державина

Державин – современник Радищева (Александр Николаевич родился в 1749 году, Гаврила Романович – на шесть лет раньше, в 1743-м). Но человек с совсем иным характером, а значит – с иной судьбой. Или это разница их судеб, их жизненных путей, определила разные характеры, которые у них сформировались? Судить вам.

Державин, как и Радищев, не был уроженцем столицы. Он появился на свет в маленьком родовом имении недалеко от Казани. Его отец – бедный офицер, не имевший, в отличие от отца Радищева, именитых родственников в Москве, да к тому же он рано умер – когда мальчику исполнилось только 11 лет. Державин учился в немецком пансионе, затем – в только что открывшейся в Казани гимназии. Ему приходилось сопровождать свою мать, когда она ходила по чиновникам, улаживая расстроенные финансовые дела семьи. По словам самого Державина, именно тогда в его душу «врезалось ужаснейшее отвращение от людей неправосудных и притеснителей сирот».

Мальчик решил, что, когда вырастет, будет всеми своими силами бороться с несправедливостью. Мы знаем, что такие обещания дают очень многие подростки. Но Державин относился к тем редким исключениям, которые сдерживают клятву, данную в детстве. И еще одна, пожалуй, уникальная особенность – с ним не случилось из-за этого ничего плохого.

Г. Р. Державин

* * *

В Казанской гимназии Державин неожиданно обрел покровителя – знаменитого мецената и любителя просвещения Ивана Ивановича Шувалова. Директор гимназии показал Шувалову работы лучших учеников и, в числе прочих, – Державина. Шувалов помог Державину записаться в лейб-гвардии Преображенский полк – отличное начало карьеры для молодого человека без состояния, но с большими амбициями. Только начинать пришлось не с офицерских званий, а с солдатских. Эти двенадцать лет Державин позже называл своей «академией нужд и терпения». Денег постоянно не хватало, он добывал средства к жизни

игрой в карты. «Когда же не на что было не только играть, но и жить, то, запершись дома, ел хлеб с водою и марал стихи при слабом свете полушечной сальной свечки или при сиянии солнечном сквозь щелки затворенных ставень».

Он участвовал в подавлении восстания Пугачева, причем проявил в этом деле незаурядную храбрость и смекалку, а потом выдержал еще одну битву... в чиновничьих кабинетах, добиваясь положенных ему наград и денег. В итоге императрица пожаловала ему 300 душ крестьян в Белоруссии, а игра в карты принесла 40 000 рублей. Державин получил отставку от военной службы с приказом подыскать «место по способностям».

«Место по способностям» вскоре нашлось, хотя и не без приключений. Державин опубликовал свои первые оды, самой знаменитой из которых стала «Фелица», воспевающая Екатерину в образе прекрасной царицы «киргиз-кайсацкия орды»...

Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высокую гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает, —
Она мой дух и ум пленяет,
Подай найти ее совет.

Но Державин не ограничился панегириком, в своей оде он дал весьма ехидные портреты многих приближенных Екатерины. Императрице это понравилось: она любила представляться справедливой и беспристрастной. В награду за эту оду Державин получил от своей Фелицы золотую табакерку, усыпанную бриллиантами, и место в Сенате. Великолепный карьерный рост! Стоило написать одно хвалебное стихотворение – и ты уже «устроил свою жизнь». Не тут-то было! Вскоре Державин вступил со своим начальником в спор по поводу составления государственного бюджета. Генерал-прокурор Вяземский попытался «спрятать» около 8 000 000 рублей государственного дохода, но Державин, опираясь на «букву закона», сумел добиться составления нового бюджета. И потерял место, что было вполне закономерно.

Тем временем поэт встречается семнадцатилетнюю черноволосую и темноглазую красавицу Екатерину Бастидон, дочь камердинера Петра III португальца Якова Бастидона. Ухаживание, по всей видимости, было стремительным и очень романтическим. Свадьбу сыграли 18 апреля 1778 года.

Наконец Державина назначают олонеким губернатором, и он уезжает с молодой женой в далекую северную губернию. Он объездил всю губернию, побывал в Пудеже, Повенце, Каргополе, Вытегре, Олонце, Лодейном Поле, на Белом море (где едва не утонул) и у водопада Кивач, который позже описал в одной из самых знаменитых своих од:

Алмазна сыплется гора
С высот четырех скалами,
Жемчугу бездна и серебра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Державин надзирал за строительством новых домов для крестьян, расследовал злоупотребления чиновников казенной палаты, устранял препятствия для работы олонекских ремес-

ленников, чье мастерство славилось по всей России. А Екатерина Яковлевна вела хозяйство, что было не так легко в этих совсем еще не обжитых краях. Закончилось губернаторство Державина так же, как и служба в Сенате: на этот раз он не поладил с генерал-губернатором Т. И. Тутолминым. Раздраженный многочисленными беззакониями, которые творились в Олонецком крае с ведома генерал-губернатора, Державин возвращается в Петербург, чтобы искать правды. Правды он не добился, но получил второй шанс – назначение губернатором в Тамбов. Там Державин вновь проявил себя как энергичный руководитель, он хочет добиться просвещения и улучшения жизни горожан. Он организует первую в городе типографию, затем губернскую газету, народное училище, городской театр. Прямо в губернаторском доме проходят уроки грамматики, арифметики и геометрии, а по вечерам Екатерина Яковлевна устраивает танцы для тамбовской молодежи. Однако через два года Державин уличил в служебных злоупотреблениях наместника рязанской и тамбовской губерний графа Гудовича. Итог был предсказуем: под суд попал... сам Державин. Судебное разбирательство закончилось ничем – Державина не осудили, но и не восстановили в прежней должности, ему выплачивали прежнее губернаторское жалование, но все его попытки доказать преступления Гудовича оказались тщетными. Осталось лишь утешать себя стихами.

Меня ж ничто вредить не может:
Я злобу твердостью сотру,
Врагов моих червь кости сглохнет,
А я пиит – и не умру.

Державины возвращаются в Петербург, и вскоре Гаврила Романович получает новую должность – он становится «секретарем у принятия прошений» при самой императрице. Должность, словно специально созданная для нашего героя и – учитывая его характер – для того, чтобы поссориться уже с самой Екатериной.

Фелица и Пленира

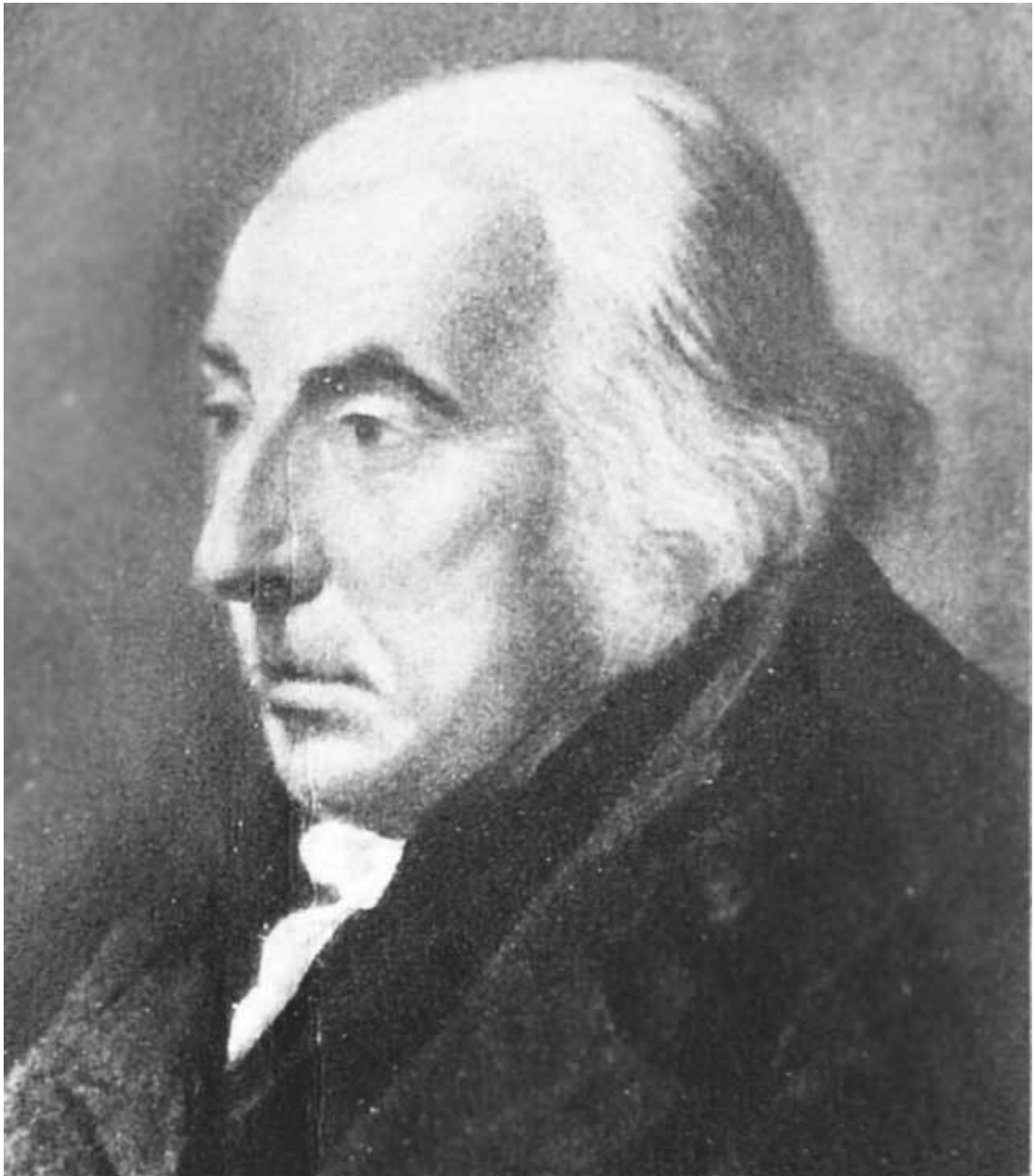
Отношения между императрицей и Державиным были сложными: при любом удобном случае секретарь старался сказать своей повелительнице правду (разумеется, так, как он ее понимал) и предоставить ей выбор: прощать или не прощать. И до поры до времени Екатерина ему спускала все дерзости.

В своей первой оде «Фелица», еще не зная императрицу лично, Державин нашел для нее только хвалебные слова:

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

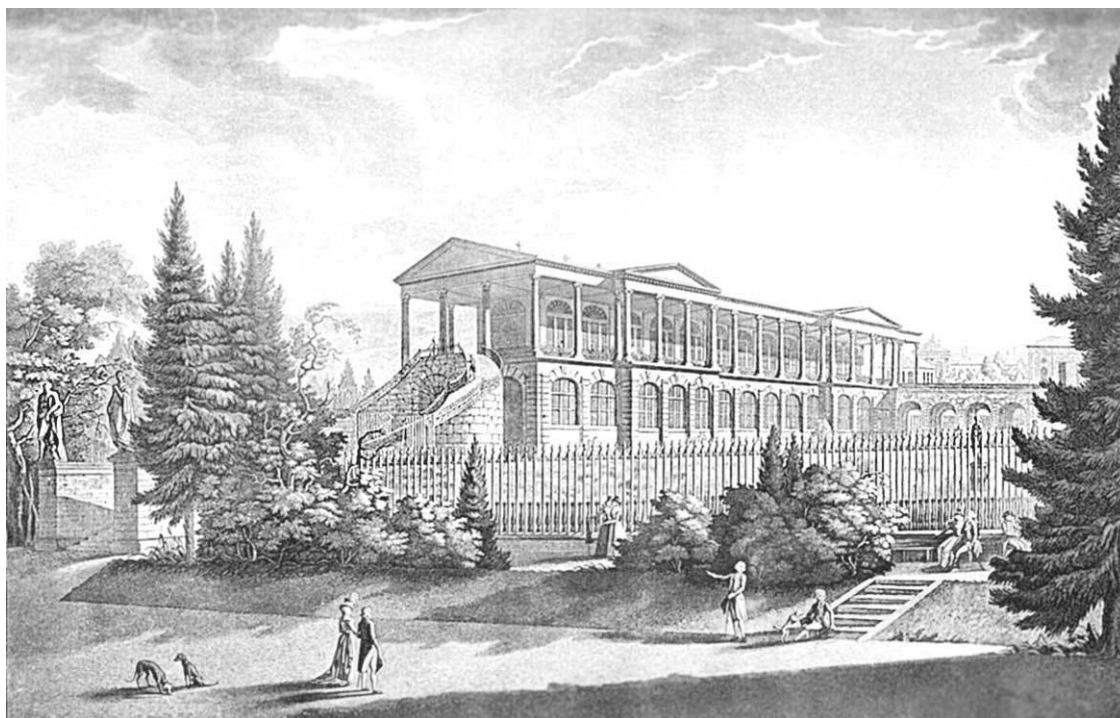
Эти слова были тем приятнее, что они описывали образ идеальной просвещенной монархини, которой и хотела предстать перед своими подданными и европейскими интеллектуалами Екатерина. Созданию этого образа были посвящены построенные по ее приказу дворец Эрмитаж на набережной Невы и главное – загородная резиденция в Царском Селе.

Помог ей в этом шотландский архитектор Чарльз Камерон. Он возвел для Екатерины в Царском Селе галерею в стиле классицизма, напоминающую древнегреческие портики, где учили мудрости Платон и Аристотель. Кроме стройной белоснежной колоннады и треугольного фронтона, очень эффектно выглядевших на фоне зелени сада, галерею украшали 50 бронзовых бюстов. Среди них «благочестивые» римские императоры Юлий Цезарь, Флавий Веспасиан, Адриан Антонин Пий, Марк Аврелий, Люций Вер и Септимий Север – то есть те самодержцы, под властью которых Рим был наиболее силен и могуч. Здесь греческие мудрецы – Гераклит, Сократ, Платон и Эпикур. Не забыто и искусство. Перед нами «отец поэзии» Гомер, «отец истории» Геродот, создатель пасторальной поэзии Феокрит, великие греческие трагики Фесип и Софокл, знаменитый оратор Демосфен и автор «Искусства любви» Овидий. Здесь же античные боги – бог искусства Аполлон, Миневра – богиня мудрости, покровительница наук, ремесел и справедливой войны, Арес – бог войны, Бахус – бог виноделия и его жена Ариадна. Здесь же бюст выдающегося русского ученого Михаила Васильевича Ломоносова работы Ф. И. Шубина. «Политическая программа» Камероновой галереи вполне ясна – сильная власть, забота монарха о подданных, развитие наук и свободных искусств. Именно в этом обрамлении Екатерина хотела запомниться в веках. Недаром она писала самому Вольтеру: «Теперь я завладела мастером Камероном, шотландцем по рождению, якобинцем по профессии, великим рисовальщиком, который напитан изучением древних и известен своей книгой „О древних банях“. Мы с ним мастерим здесь в Царском Селе сад с террасами, с банями внизу и галереей наверху. Это будет прелесть». А позже, когда постройка была уже закончена, написала ему же: «Я вернулась с моей колоннады, где я гуляла между бронзовыми бюстами, которые уже поставлены, так что если вам любопытно знать, кто эти почтенные люди, вот список, который я сделала для вас, прогуливаясь...».

Ч. Камерон

Кстати, и самому французскому философу нашлось место в идеальном мире Царского Села. Его большая мраморная статуя работы Жана Антуана Гудона поселилась в Гротe, на берегу озера. Уединение и плеск воды – прекрасная атмосфера для размышлений.

Галерея Ч. Камерона в Царском Селе

О том, какой хотела предстать своим гостям Екатерина, можно судить, к примеру, по воспоминаниям французского посланника, графа Луи Филиппа де Сегюра: «Когда я приехал в Царское Село, императрица была так добра, что сама показывала мне все красоты своего великолепного загородного дворца. Светлые воды, тенистая зелень, изящные беседки, величественные здания, драгоценная мебель, комнаты, покрытые порфиром, лазоревым камнем и малахитом, – все это представляло волшебное зрелище и напоминало удивленному путешественнику дворцы и сады Армиды. При совершенной свободе, веселой беседе и полном отсутствии скуки и принуждения, один только величественный дворец напоминал мне, что я не просто на даче у самой любезной, светской женщины. Императрица свободно говорила обо всем, исключая политики; она любила слушать рассказы, любила и сама рассказывать. Почти целое утро государыня занималась, и каждый из нас мог в это время читать, писать, гулять, одним словом, делать, что ему угодно. Обед, за которым бывало немного гостей и немного блюд, был вкусен, прост, без роскоши; послеобеденное время употреблялось на игру или на беседу; вечером императрица уходила довольно рано, и мы собирались у Кобенцеля, у Фитц-Герберта, у меня или у Потемкина».

Прославлению императрицы и ее империи также служили другие памятники Царского Села: Чесменская и Морейская колонны и Кагульский обелиск должны были приводить на память победы в Турецкой войне. О том же напоминал павильон Турецкие бани и Башня-руина, построенная в 1771 году по проекту Юрия Фельтена. На замковом камне башни была высечена надпись «На память войны, объявленной турками России, сей камень поставлен». Неслучайно Екатерина писала: «Когда война сия продолжится, то царскосельский мой сад будет походить на игрушечку. После каждого воинского деяния воздвигается в нем приличный памятник»

А за Башней-руиной, на южной границе парка у входа в город, в 1778–1782 годах по проектам архитекторов Антонио Ринальди и Джакомо Кваренги возвели Гатчинские, или Орловские, ворота. Их поставили на дороге в Гатчину – имение Григория Орлова – для триумфального въезда в Царское Село Орлова, который в 1771 году справился с чумным бунтом в Москве. Со стороны города на них помещена надпись «Орловым от беды избавлена

Москва», а со стороны сада – «когда в 1771 году на Москве был мор на людей и народное неустройство, генерал-фельдцейхмейстер Григорий Орлов, по его просьбе, получив повеление, и туда поехал. Установил порядок и послушание, и свирепство язвы пресек добрыми своими учреждениями».

Позднее ворота послужили для другого триумфального въезда, в январе 1789 года, когда из Молдавии возвращался командующий русскими войсками князь Потемкин-Таврический. Тогда на всей дороге от ворот до дворца архитектором Нееловым была устроена иллюминация, а на самих воротах красовалась огненная надпись: «Ты в плесках внидешь в храм Софии» – намек на вековую российскую мечту о захвате Стамбула и его «обратном превращении» из магометанской столицы в православный Константинополь.

* * *

И послание «доходило по назначению». Недаром позже юный Пушкин напишет свои «Воспоминания в Царском Селе», полные патриотизма и гордости за подвиги своей страны. Державин услышит эти стихи на экзамене в Лицее и похвалит начинающего стихотворца.

Но в то же время Державин, уже успевший познакомиться ближе с характером императрицы, писал, что Екатерина «управляла государством и самым правосудием более по политике или по своим видам, нежели по святой правде». И, воздав должное хозяйке Царского Села, поэт не забывает воспеть и другую женщину:

В прекрасный майский день,
В час ясных погоды,
Как всюду длинна тень,
Ложась в стеклянны воды,
В их зеркале берегов

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.